

Biogr.

3288

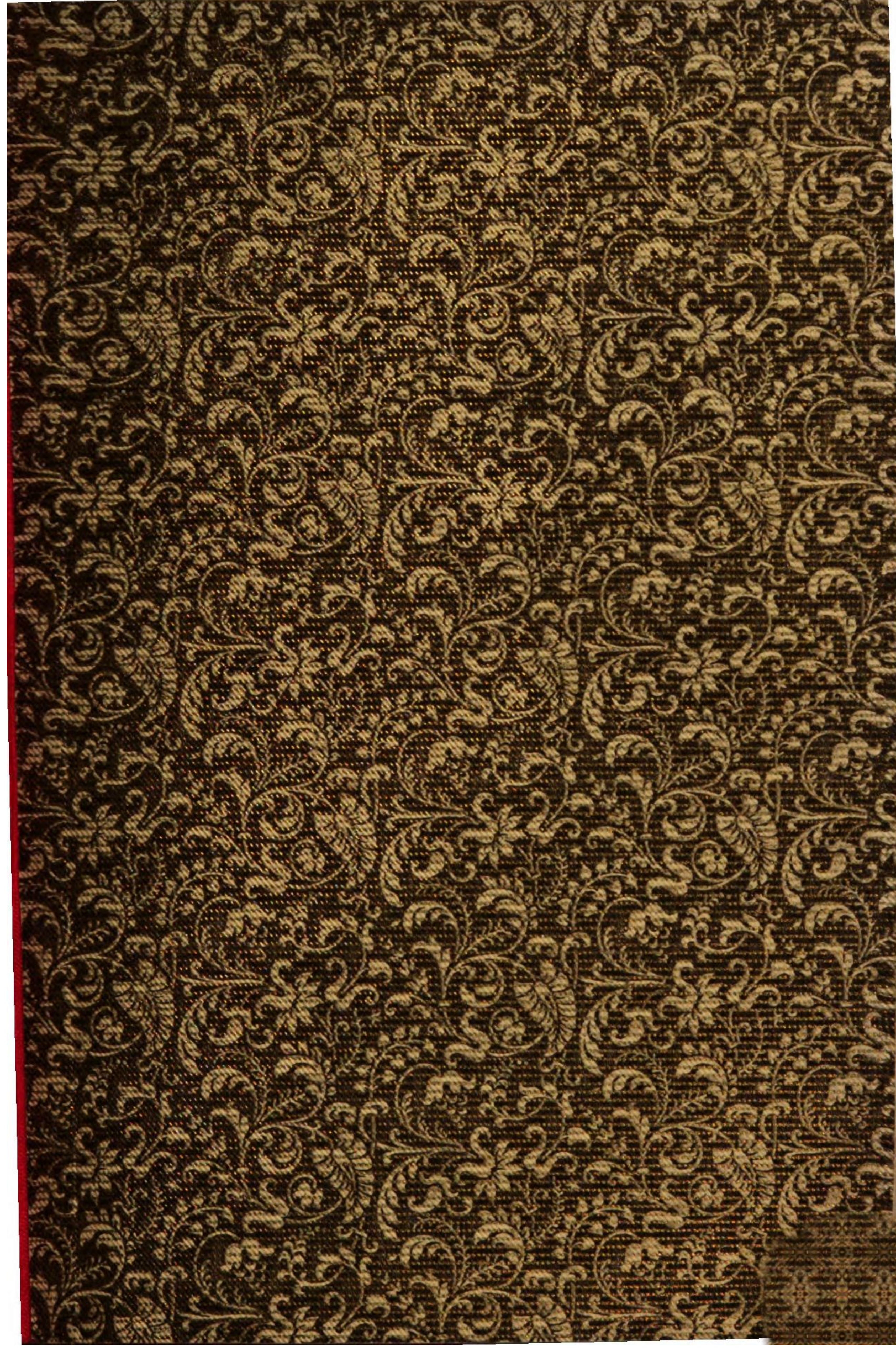
h

ЗАПИСКИ

КНЯЗЯ

ТРУБЕЦКАГО.

Biogr. 3288 K

ТРУДЫ И РАБОТЫ

(СЪЕДИНЕННЫЕ)

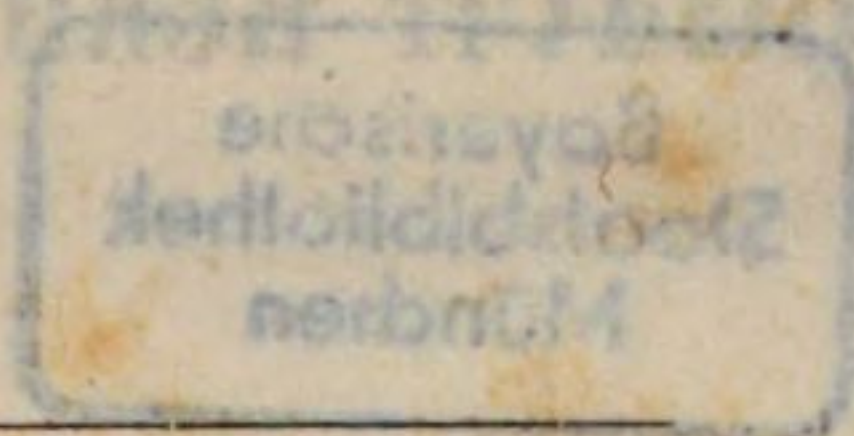
ИЗДАНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО : ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО : МОСКВА

ЗАПИСКИ
КНЯЗЯ
ТРУБЕЦКАГО.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.)

(Denkwürdigkeiten des Fürsten Trubetzkoi.)

Второе изданіе.

~~~~~

ЛЕЙПЦИГЪ:	LEIPZIG:
Э. Л. КАСПРОВИЧЪ.	E. L. KASPROWICZ.
1875.	

Trubetzkoy

ЗАПИСКИ

ИЗДАНИЕ

ТРУБЕТЗКОГО

(С. ПЕТЕРБУРГ)

Bayerische
Staatsbibliothek
München

(Denkwürdigkeiten des Fürsten Trubetzkoy)

Второе издание

LEIPZIG: VERLAG VON C. F. W. KURZBACH
Fg 82/983-12

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ТРУБЕЦКАГО.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ ИВАНОВА

Давно носилась молва, что покойный императоръ Александръ Павловичъ готовилъ наслѣдникомъ престола брата своего Николая Павловича, говорили что это сдѣлано съ согласія прямаго наслѣдника Константина Павловича, при женитьбѣ его на полькѣ Грудзинской; говорили, что Александръ сдѣлалъ духовную на этотъ случай; но никакого положительнаго свѣденія по этому предмету не было. Только въ прусскомъ придворномъ календарѣ на 1825 годъ, Николай Павловичъ былъ показанъ наслѣдникомъ россійскаго престола *по условію, заключенному при женитьбѣ Константина*. Говорили, что императоръ изъявилъ за это обнародованіе неудовольствіе свое прусскому двору. Но все это, какъ обыкновенно бываетъ въ въ самодержавныхъ государствахъ, гдѣ всякое дѣйствіе правительства есть государственная тайна, было извѣстно только немногимъ и имѣло только небольшіе отголоски въ обществѣ.

Извѣстно, что императоръ Александръ Павловичъ скончался почти скоропостижно. Въ Петербургѣ узнали о кончинѣ его почти въ одно время какъ и о болѣзни. Первый курьеръ изъ Таганрога привезъ 24 Ноября извѣстіе о его болѣзни, третій 26 о его кончинѣ — въ самое то время, когда вся императорская фамилія служила молебень благодарственный за полученное имъ облегченіе, которое извѣстіе привезено было въ этотъ-же день по утру вторымъ курьеромъ, за нѣсколько часовъ до его кончины отправленнымъ. Молебень былъ прерванъ. Собрался государственный совѣтъ. Все члены молчали. Уста тѣхъ, которыхъ голосъ привыкли слушать въ совѣтѣ, сомкнулись. Голосъ одного графа Милорадовича былъ слышанъ; онъ приглашалъ присягнуть законному наслѣднику Константину Павловичу. Князь Голицынъ требовалъ прочтенія духовной покойнаго государя. Графъ Милорадовичъ согласился, оговоря, что духовная эта не можетъ быть обязательствомъ ни для кого, и что прослушать ее можно только для того, чтобъ показать знакъ уваженія къ покойному. Духовная принесена и прочтена для свѣденія. Члены встали и пошли объявить великому князю Николаю Павловичу, что должно присягнуть Константину;

вмѣстѣ съ нимъ пошли къ Марьѣ Ѳеодоровнѣ, а оттуда въ придворную церковь для принесенія присяги.

Графъ Милорадовичъ, какъ петербургскій военный губернаторъ, приказалъ коменданту послать приказъ по караульнымъ постамъ, чтобъ караулы были тотчасъ приведены къ присягѣ Константину. Между тѣмъ поставили наложъ для присяги внутренняго караула бывшаго отъ 1го баталліона преображенскаго полка. По отвѣтѣ на вопросъ о причинахъ этого приготовленія главной гренадеръ вышелъ и сказалъ, что они даже и о болѣзни государя не слыхали и оказывалъ съ прочими гренадерами недовѣрчивость къ справедливости извѣстія о смерти его величества. Никто изъ генераловъ не могъ убѣдить ихъ въ истинѣ кончины, доколѣ не пришелъ великій князь Николай Павловичъ и не объявилъ, что онъ самъ присягнулъ уже новому государю Константину Павловичу. Тогда караульные гренадеры согласились принять присягу.

Сенаторы присягнули по изустному объявленію о кончинѣ, сдѣланному министромъ юстиціи (княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ). О запечатанномъ конвертѣ, отданномъ покойнымъ государемъ для сохраненія въ сенатѣ съ тѣмъ, чтобъ, не присту-

пая ни къ чему послѣ его смерти, сначала распечатать его и прочесть въ полномъ собраніи, не было даже и спроса. На вопросъ министру одного изъ оберъпрокуроровъ его превосходительство приказалъ прислать конвертъ къ нему на домъ.

Общая присяга послѣдовала по напечатаніи о томъ сенатскаго указа. Возвратясь въ свой дворецъ, великій князь Николай Павловичъ послалъ за бывшимъ въ отставку д. с. совѣтникомъ Опочининымъ и просилъ его съѣздить къ Константину Павловичу и напомнить ему, что онъ самъ добровольно предъ своей женитьбой еще въ 1822 году отказывался отъ наслѣдованія престола; нѣсколько часовъ держалъ его у себя и только вечеромъ отпустилъ, снабдивъ его письмами — съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно отправился. Опочининъ уѣхалъ въ ночь. Великій князь присылалъ удостовѣриться, точно-ли онъ уѣхалъ? На другой день вечеромъ Опочининъ возвратился съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, котораго онъ встрѣтилъ ѣдущаго изъ Варшавы, узнавъ, что въ Царствѣ Польскомъ Константинъ не приводилъ никого къ присягѣ и въ тотъ день, когда получилъ извѣстіе о смерти императора, заперся и видѣть никого не хотѣлъ. Опочининъ

вновь былъ чрезъ нѣсколько часовъ отправленъ съ новыми письмами, и возвратился уже по присягѣ Николаю Павловичу. *)

*) Необъявленіе извѣстія о смерти государя, которое получено Константиномъ прямо изъ Таганрога, доказывало, что онъ или ожидаетъ дальнѣйшихъ извѣстій изъ Петербурга, или не желаетъ наслѣдія. Но послѣ принесенной ему присяги, онъ одинъ только имѣлъ власть разрѣшить отъ нея своихъ подданныхъ. Опочининъ долженъ былъ уговорить его прислать манифестъ о своемъ отрѣченіи. Онъ поѣхалъ съ сильнымъ желаніемъ привезти его самого въ ту столицу, въ которой должна была рѣшиться участь государства. Въ семействѣ его однакожъ не надѣялись, чтобъ онъ успѣлъ въ намѣреніи. Помнили, что Константинъ много разъ говорилъ, что онъ царствовать не хочетъ и прибавлялъ: “меня задушатъ, какъ задушили отца”. Столица государства представляла тогда странное явленіе. Былъ государь названный, не было дѣйствительнаго, и никто не зналъ навѣрное, кто имъ будетъ. Константинъ въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ пребывалъ все въ Варшавѣ, сдѣлался почти чужимъ для русскихъ и потому не имѣлъ въ Петербургѣ приверженцевъ. Воспоминанія, которыя оставались о немъ, не привлекали къ нему публики, хотя и говорили, что нравъ его измѣнился къ лучшему, но многіе, особенно придворные, вооружались противъ него. Гордость дамъ оскорблялась мыслию, что полька и при томъ незнатнаго рода можетъ быть императрицей. Молодые великіе князья также не имѣли дара поселить къ себѣ любовь; ихъ особенно не любили военные. Однакожъ большая часть высшаго круга желала имѣть императоромъ Николая. Надѣялись, что при немъ дворъ возвысится, что придворная служба получитъ опять прежній почетъ и выйдетъ изъ

На письма, отправленные съ Опочининымъ, Константинъ Павловичъ не сдѣлалъ никакого от-

того ничтожества, въ которомъ была при покойномъ государѣ и въ которое еще бы болѣе погрузилась при Константинѣ. Надѣялись, что дворъ не будетъ такъ скученъ. Великая княгиня Александра Федоровна была молодая еще женщина, любила веселости и удовольствія. При знакомомъ императорѣ и императрицѣ всѣ надѣялись сохранить занимаемыя ими мѣста, и потому говорили, что если будетъ Николай императоромъ, то все останется въ прежнемъ положеніи, только государь будетъ нѣсколькими годами моложе. Такъ говорили придворные. Другіе классы общества молча ожидали окончанія междуцарствія. Они понимали свою незначительность, хотя впрочемъ болѣе были склонны къ Константину, но только потому, что предполагали въ пожиломъ человѣкѣ болѣе опытности, нежели въ молодомъ, который до тѣхъ поръ занимался единственно фрунтовой службой. Народъ былъ вообще равнодушенъ. Одни военные искренно желали, чтобъ Константинъ остался императоромъ; имъ молодые великіе князья надоѣли. Гвардейскіе офицеры съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда новаго своего государя, и солдаты, ничего не зная о происходившемъ, не ожидали никакой новой перемѣны и увѣрены были, что государь скоро къ нимъ прибудетъ.

Можно утвердительно сказать, что эта увѣренность солдатъ была причиною спокойствія столицы въ эти дни, и этимъ обязаны бывшему военнымъ генералъ-губернаторомъ графу Милорадовичу. Онъ былъ тогда единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ и распорядителемъ всего, съ самаго начала и до конца сохранилъ присутствіе духа и хладнокровную и твердую дѣятельность. Онъ былъ виновникомъ присяги законному наслѣднику и устраненія духовной покойнаго государя; убѣжденный имъ великій

вѣта, который могъ-бы послужить для народа доказательствомъ, что онъ добровольно отказывается

князь Николай покорился власти закона и терпѣливо ожидалъ престола отъ добровольнаго и торжественнаго отрѣченія Константина. Мѣры, принятыя имъ, содержали въ спокойной увѣренности гвардію и народъ въ неизвѣстности о происходившихъ переговорахъ и о томъ, что готовится какое-либо необыкновенное событіе. Онъ смѣло принялъ на себя одного всю власть, которая заключалась въ высшихъ государственныхъ мѣстахъ, и полную отвѣтственность за спокойствіе не только одной столицы, но и всего государства. Великому князю Николаю Павловичу нельзя также не отдать той справедливости, что онъ при всемъ своемъ желаніи престола, побуждаемый сверхъ того голосомъ придворныхъ, умѣлъ однакожъ овладѣть собою, подчинился съ покорностію закону. Престолъ и еще самодержавный имѣетъ столько прелестей, что рѣдкой на мѣстѣ Николая сталъ-бы ожидать его терпѣливо отъ благоволенія другаго. Константинъ, конечно изъяснилъ прежде, что онъ отказывается отъ наслѣдства, и что онъ не хочетъ власти; но все это было тогда, когда еще власть не была въ его рукахъ. А теперь, когда вся обширная имперія присягнула ему въ вѣрности, можно-ли было ручаться, что онъ останется столько-же равнодушенъ къ власти? Онъ имѣлъ-бы достаточно извиненій для принятія престола, на который возведенъ былъ безъ предварительнаго своего согласія и въ исполненіе государственныхъ законовъ о первородствѣ. Умѣренность Николая въ этихъ обстоятельствахъ тѣмъ замѣчательнѣе, что на противное поведеніе съ его стороны поощрялъ его голосъ придворныхъ и молчаніе всѣхъ безъ исключенія важнѣйшихъ сановниковъ государства, а удерживаемъ онъ былъ однимъ гр. Милорадовичемъ. Какъ легко было великому князю заставить государственный совѣтъ и правитель-

отъ престола и уступаетъ его ближайшему по себѣ наслѣднику. Говорили, что отвѣтъ, кото-

ствующій сенатъ исполнить всякую его волю, является изъ послѣдовавшихъ ранѣе и позже происшествій Въ первомъ собраніи совѣта, гдѣ было объявлено о смерти Александра, одинъ только голосъ графа Милорадовича былъ слышанъ; прочіе члены безмолвно приступили къ его мнѣнію, также и сенатъ, и все покорилося его волѣ. Когда Константинъ упорно отказался въ присылкѣ манифеста о своемъ отрѣченіи, не принялъ даже посланныхъ съ объявленіемъ ему о принесенной всѣми сословіями присягѣ, ни совѣтъ, ни сенатъ не помыслили о томъ, что одно только высшее правительственное мѣсто имѣетъ власть, объяснивъ народу все случившееся, удостовѣрить его въ истинѣ отрѣченія Константина и несомнѣнномъ въ слѣдствіе того правѣ Николая на престолъ; что всякой иной образъ возшествія Николая долженъ имѣть предъ народомъ видъ похищенія. Если не робость виною этого молчанія, то оно доказываетъ совершенное незнаніе въ государственныхъ сановникахъ политическихъ правъ. Николай, оказаннымъ уваженіемъ законовъ, заслужилъ признательность отечества, и еслибъ онъ до конца сохранилъ тоже поведеніе и не издалъ манифеста отъ своего имени, то онъ возсѣлъ бы на престолъ спокойно; но здѣсь уже боязнь унижить самодержавную власть взяла верхъ надъ всякимъ другимъ разсужденіемъ.

Между тѣмъ Тайное Общество, слѣдившее неусыпно за всѣми происшествіями и хорошо извѣщенное о всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ, опредѣливо въ продолженіи воцаренія Константина пріостановить свое дѣйствіе и ограничиться на нѣкоторое время наблюденіемъ, какой ходъ примутъ дѣла при новомъ императорѣ; когда-же начало сомнѣваться въ принятіи престола Константиномъ и, узнавъ духъ войска, убѣдилось, что возшествіе на престолъ

рымъ онъ предоставлялъ престолъ на волю желающаго, былъ написанъ въ самыхъ неприличныхъ

Николая не могло послѣдовать безъ сопротивленія, то стало помышлять о томъ, чтобъ извлечь изъ этого обстоятельства всю ту пользу для Россіи, которую дѣйствія Общества до тѣхъ поръ могли обѣщать ей только въ неопредѣленной отдаленности. Оно могло дѣйствовать въ единственномъ предположеніи, что Константинъ не издастъ отъ собственнаго лица манифеста о своемъ отрѣченіи; иначе возстаніе было бы неповиновеніемъ законной власти, и должно-бы было дѣйствовать на военную силу обольщеніемъ. Въ случаѣ даже совершенной удачи невозможно было предвидѣть къ какому концу это приведетъ, и нельзя было надѣяться, чтобъ порядокъ и спокойствіе сохранились въ государствѣ. Общество знало, что сенату не будетъ предоставлено изданіе манифеста, а что самъ онъ не осмѣлится взять этого на себя, но безусловно исполнить то, что повелѣно будетъ; давно уже онъ пересталъ считать себя первымъ государственнымъ мѣстомъ, хотя почитается еще таковымъ въ народѣ; выше его были уже комитетъ министровъ и совѣтъ. Въ послѣднемъ скорѣе можно было ожидать найти людей, способныхъ взвѣсить всю важность настоящихъ обстоятельствъ; нельзя однакожъ было полагать, чтобъ кто изъ нихъ рѣшился выразить такое мнѣніе, которое не будучи поддержано прочими членами, непременно подвергло-бы подпавшаго немилости будущаго государя. Слѣдовательно не должно было ожидать никакого начинанія отъ высшихъ государственныхъ мѣстъ или лицъ; большой склонности отъ нихъ къ Николаю Павловичу не должно было ожидать, а скорѣе должно было полагать, что они предпочитаютъ Константина; ибо въ противномъ случаѣ они поддержали-бы князя Голицына и подали-бы мнѣніе, что слѣдуетъ исполнить духовную; но этого никто не сдѣлалъ. Обществу

выраженіяхъ, что нѣсколько подтверждается тѣмъ, что онъ не былъ напечатанъ при манифестѣ, которымъ Николай объявлялъ о своемъ вступленіи на престолъ: должны были удостовѣриться напечатаніемъ писемъ Константина Павловича къ покойному императору, писанныхъ въ 1822 году во время женитьбы его на княгинѣ Ловичской.

Время междоцарствія продолжалось ровно двѣ недѣли. Никакой другой случай не могъ быть благопріятнѣе для приведенія въ исполненіе намѣренія Тайнаго Общества, еслибъ оно было довольно сильно для приведенія въ дѣйствіе своихъ предположеній. Но члены его были разсѣяны по большому пространству обширной Россійской имперіи; другіе были за границей. Столица, гдѣ должно было происходить главное дѣйствіе, заклю-

---

оставалось дѣйствовать собственными силами. Оно чувствовало себя слишкомъ слабымъ для того. Столица, гдѣ должно было все рѣшиться, заключала въ себѣ небольшое только число членовъ. Прочіе были разсѣяны по всему пространству обширной россійской имперіи. Нѣкоторые были за границей (Тургеневъ, Бибииковъ, Петровскій). Не смотря на то, обстоятельства казались такими благопріятными, что оно рѣшилось испытать свои силы и подвергнуться всѣмъ личнымъ бѣдствіямъ, въ которыя неудача должна была погрузить ихъ. Члены Общества давно уже обрекли себя служенію отечеству и презрѣли страхъ безславія и позорной смерти.

чала небольшое число членовъ. Не смотря на то, бывшіе въ ней члены положили воспользоваться предстоящимъ случаемъ, особенно когда въ мыслящей публикѣ поселилось ожиданіе, что Константинъ Павловичъ не приметъ слѣдующаго ему наслѣдія престола. Причины, побудившія ихъ воспользоваться предстоящимъ случаемъ, были слѣдующія:

1. Въ Россіи никогда не бывало примѣра, чтобъ законный наслѣдникъ престола добровольно отъ него отказывался, и должно было предполагать, что стъ трудомъ повѣрятъ такому отказу.

2. Молодыхъ великихъ князей не любили, особенно военные. Только нѣкоторая часть двора предпочитала имѣть императоромъ Николая; придворныя дамы находили, что длл нихъ низко будетъ имѣть незнатнаго даже рода польку — императрицею.

3. Во всѣхъ домахъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшему обществу столицы, изъяснялось негодование на странное положеніе, въ которомъ находилось государство. Однакожъ никто изъ этихъ лицъ не возвысилъ своего голоса въ эти дни, въ которые отозвался-бы ему сильный отголосокъ. Недостатокъ ли духа, или любви къ отечеству, или попеченіе о собственныхъ выго-

дахъ замкнули уста, только никто не смѣлъ выразить мысли о возможности и надобности улучшить государственныя постановленія. Негодованіе высшаго круга столицы изъяснялось одними плоскими насмѣшками. Были заклады кому достанется престолъ; спрашивали: “продадутся или нѣтъ бараны?” смѣялись надъ тѣмъ, что отъ сената посланъ былъ къ императору Константину съ объявленіемъ о принесенной ему присягѣ чиновникъ, бывшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, извѣстный, какъ картежный игрокъ, хорошо передергивавшій карты; и это обстоятельство примѣняли съ насмѣшками къ тогдашнему случаю.

4. Наконецъ, члены Тайнаго Общества увѣрены были въ содѣйствіи нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ государства, которые, опасаясь дѣйствовать явно, когда еще общество не оказало своей силы, явились-бы готовыми пристать, какъ скоро увидѣли бы, что достаточная военная сила можетъ поддержать ихъ.

Первое дѣйствіе Тайнаго Общества было увѣриться, что всѣ его члены будутъ равно усердно содѣйствовать общей его цѣли. Но здѣсь оказалось тоже, что обыкновенно оказывается во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Многіе члены вступили въ общество, когда еще конечное его дѣйствіе

представлялось въ неизвѣстной дали. Будучи его членами, они знали, что будутъ всегда поддержаны имъ, и что это могло способствовать ихъ возвышенію. Теперь они достигли уже извѣстной степени, и когда открывались новыя обстоятельства, они не видѣли пользы для себя дѣйствовать сообразно видамъ такого общества, гдѣ члены, не имѣя никакой личной цѣли, стремились жертвовать собою единственно для блага своего отечества. *) Многіе, бывшіе ревностными членами

*) Многіе изъ оставшихся въ Россіи членовъ Общества занимали послѣ и нынѣ еще занимаютъ важныя должности въ государствѣ: Граббе, г.-а. командовалъ на кавказской линіи дивизіей; Гурко замѣнилъ его и послѣ былъ начальникомъ штаба кавказскаго корпуса, нынѣ тожъ запасныхъ войскъ; князь Михаилъ Горчаковъ начальникомъ штабовъ дѣйствующей арміи; Николай Николаевичъ Муравьевъ, командовалъ корпусомъ; Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, сенаторъ; Петръ Колошинъ, начальникъ департамента; Илья Биби-ковъ, при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ; Ковелинъ, военный генераль-губернаторъ въ Петербургѣ; Л. В. Перовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ; князь Менъшиковъ, членъ общества русскихъ рыцарей, начальникъ штаба морскаго; Вальховской начальникъ штаба въ Грузіи; Литке, наставникъ великаго князя Константина Николаевича. Не помню другихъ, менѣе значительныя должности занимавшихъ: также не считаемъ Шипова, Ростовцева, Моллера, измѣнившихъ Обществу и князя Долгорукова отступившаго изъ страха.

въ молодости, охладѣли съ лѣтами. Теперь предстояло дѣйствіе рѣшительное, которое съ одной стороны въ случаѣ успѣха не представляло личныхъ выгодъ, съ другой стороны въ случаѣ неуспѣха грозило гибелью. Выгоднѣе было поддержать имѣющаго надежду получить престолъ и повергнуть себя и всѣ свои способности и средства передъ стопами того, отъ кого можно было надеяться награды и которому всѣ предположенія обѣщали успѣхъ.

Общество видѣло себя ослабленнымъ черезъ отступленіе такихъ членовъ, которые непременно сдѣлали бы значительный перевѣсъ по той власти, которую чины, занимаемые ими въ рядахъ гвардіи, предоставили въ ихъ руки. Но въ то же время оно видѣло, что большая часть офицеровъ гвардіи не вѣрила возможности отрѣченія Константина; нелюбовь ихъ къ молодымъ великимъ князьямъ явно оказывалась въ ихъ разговорахъ, и они, которымъ Общество открыло свои намѣренія, съ восторгомъ оказали готовность дѣйствовать подъ его руководствомъ. Всѣ эти офицеры были люди молодые; никто изъ нихъ не былъ чиномъ выше ротнаго командира.

Надобно было найти извѣстнаго гвардейскимъ солдатамъ штабъ-офицера для замѣщенія передав-

шихся на сторону власти баталліонныхъ и полковыхъ командировъ. Этотъ начальникъ нуженъ былъ только для самаго перваго начала, чтобъ принять начальство надъ собравшимися войсками. Былъ въ столицѣ полковникъ Булатовъ, который недавно перешелъ изъ лейбъ-гренадерскаго полка въ армію; его помнили и любили лейбъ-гренадеры, а это былъ одинъ изъ полковъ, на который болѣе надѣялись. Булатовъ согласился принять начальство надъ войсками, которыя соберутся на сборномъ мѣстѣ. *)

---

*) Общество не имѣло опоры въ старшихъ чинахъ гвардіи. Вторые баталліоны всѣхъ полковъ стояли не въ городѣ, но въ окрестностяхъ. Изъ бывшихъ въ самомъ городѣ оба баталліонные командира лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, бывшіе членами Общества, отказали въ своемъ содѣйствіи; лейбъ-гвардіи семеновскаго полка командиръ Шиновъ признался Трубецкому, что онъ далъ слово великому князю Николаю привести къ присягѣ свой полкъ, какъ скоро получить отъ него приказаніе. Къ членамъ изъ оберъ-офицеровъ присоединились всѣ, которые отозвались несогласными дать присягу новому императору, если Константинъ не объявитъ о томъ изустно передъ войскомъ или изданнымъ отъ себя манифестомъ; въ отсутствіе же Константина нельзя вѣрить манифесту. Многимъ изъ таковыхъ даже не было довѣрено о существованіи Общества, и они дѣйствовали просто по убѣжденію долга. Въ полкахъ измайловскомъ, егерскомъ, лейбъ-гренадерскомъ, въ финляндскомъ, въ морскомъ экипажѣ и частію въ артиллеріи очень ясно въ этомъ объяснились

Между тѣмъ стало извѣстнымъ, что императоръ Константинъ самъ не ѣдетъ и не хочетъ дать отъ себя манифеста о своемъ отрѣченіи и передачѣ престола Николаю Павловичу — обстоятельство очень затруднительное для послѣдняго. Надобно издать манифестъ отъ собственнаго лица; но какимъ образомъ убѣдить въ истинѣ отрѣченія и на какомъ правѣ основать свое вступленіе? не будетъ-ли оно имѣть всѣхъ признаковъ похищенія? Издать манифестъ именемъ сената было-бы дѣйствіе самое законное и самое народное, потому что народъ привыкъ получать всѣ указы изъ сената; находили однако, что это было бы предоставить сенату такую власть, которая принадлежитъ одному только императору, а такой примѣръ могъ служить на будущіе время поводомъ сенату распоряжаться и самою верховною властію по своему усмотрѣнію. Въ такихъ обстоятельствахъ рѣши-

офицеры. Преображенскаго полка солдаты оказывали сильное нерасположеніе къ Николаю; на кавалергардовъ можно также было полагаться. Планъ Общества былъ слѣдующій: воспользовавшись упорствомъ солдатъ не давать новой присяги, вывести полки, и посредствомъ ихъ собравъ другіе(?) заставить сенатъ: 1-ое, издать манифестъ для возвѣщенія народу въ какихъ необычайныхъ обстоятельствахъ находится Россія, и для приглашенія выбранныхъ людей ото всѣхъ сословій для рѣшенія предстоящаго затрудненія...

лись издать манифестъ отъ лица императора, принимающаго престолъ, и обнародовать письма Константина Павловича къ покойному императору, начать присягу съ военной силы и обязать гвардейскихъ полковыхъ командировъ личною отвѣтственностію, если они не съумѣютъ преодолѣть ожиданнаго упорства подчиненныхъ имъ полковъ. Графъ Милорадовичъ, убѣдившій Николая въ необходимости предоставить престолъ законному наслѣднику, видя странное дѣйствіе Константина, рѣшился теперь содѣйствовать къ преодолѣнію препятствій о провозглашеніи Николая императоромъ.

Тайное Общество, хорошо извѣщенное о всѣхъ дѣйствіяхъ великаго князя и всего военнаго начальства, а также о мысляхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, проявлявшихся въ ихъ разговорахъ, распорядило дѣйствія свои сообразно этимъ свѣденіямъ. Оно знало, что трудно будетъ, или даже и совсѣмъ невозможно увѣрить всѣхъ нижнихъ чиновъ и многихъ офицеровъ, чтобы Константинъ Павловичъ произвольно отказался отъ престола; даже въ народѣ признавали законнымъ (наслѣдникомъ) не Николая, а Михаила, какъ родившагося въ то время, какъ отецъ его былъ императоромъ. Одна привычка къ безусловному

повиновенію и насильство могли заставить солдатъ присягнуть по требованію ихъ начальниковъ; а такъ какъ начальники полковъ бѣльшею частію были мало любимы подчиненными и не имѣли ихъ довѣренности, то легко было поколебать ихъ повиновеніе. Дѣйствительно, когда по утру 14го Декабря выведены были въ полкахъ люди для присяги, то вообще они оказали недоумѣніе и нерѣшительность, которая при первыхъ словахъ офицеровъ, изъясвившихъ сомнѣніе касательно законности требуемой присяги, обратилось въ явное упорство. Русскій солдатъ такъ однакожъ привыкъ къ слѣпому повиновенію, что бѣльшая часть начальниковъ успѣли удержать своихъ подчиненныхъ. Но Фридериксъ и Стюрлеръ, бывшіе болѣе прочихъ нелюбимы, и Карцовъ, не имѣвшій никакого уваженія подчиненныхъ, не могли удержать ввѣренныхъ ихъ начальству.

Извѣстно, что высшее военное начальство привыкло почитать русскаго солдата болваномъ, который поворачивается и идетъ туда, куда его направитъ начальникъ. Однакожъ графъ Милорадовичъ, собиравшій въ продолженіи всего времени междуцарствія свѣденія о духѣ и расположеніи солдатъ и офицеровъ, убѣдился, что не

легко будетъ заставить ихъ присягнуть посредствомъ манифеста, изданнаго отъ имени того лица, которое желаетъ возсѣсть на престолъ. Графъ тщетно добивался, чтобъ этотъ манифестъ былъ изданъ тѣмъ императоромъ, которому уже присягнули, и только въ такомъ случаѣ обѣщалъ, что порядокъ въ столицѣ не будетъ нарушенъ. Сомнѣнія графа поколебали увѣренность Николая тѣмъ болѣе, что и онъ съ своей стороны отъ приверженцевъ своихъ былъ предваренъ о расположеніи гвардіи и о существованіи Тайнаго Общества, намѣревавшася воспользоваться этимъ расположеніемъ (письма Ростовцева). Въ ночь съ 13го на 14го число полковой командиръ преображенскаго полка старался привлечь свой полкъ на сторону Николая Павловича. Это казалось тѣмъ необходимѣе, что гренадерской взводъ роты его величества изъявилъ уже наклонность къ сомнѣнію, въ бытность свою во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. Кромѣ обѣщаній, роздана была большая сумма денегъ (изъ артельныхъ), и поутру когда выведенъ былъ 1-й баталіонъ, и Николай Павловичъ подѣхавъ спросилъ рядовыхъ: хотятъ-ли они его своимъ государемъ? они отвѣчали утвердительно. Тогда онъ приказалъ зарядить ружья и идти за нимъ

Происшествія 14го числа и послѣдующихъ дней извѣстны. *) Казематовъ петропавловской

*) Пока все это происходило въ столицѣ, на всемъ пространствѣ Россіи присягали въ вѣрности повому государю, одному вслѣдъ за другимъ, такъ что во многихъ мѣстахъ были споры за церкви. Военные, получившіе прежде приказы о присягѣ Николаю, оспаривали храмы у гражданскихъ, которые въ тоже время присягали Константину. Но привычка къ безусловному повиновенію властямъ, какія-бы они ни были, не допускала до дальнѣйшихъ безпорядковъ. Въ 3-мъ только корпусѣ произошло возмущеніе, которое должно было утишить оружіемъ. Оно произошло слѣдующимъ образомъ: Въ составѣ этого корпуса независимо отъ Тайнаго Общества, извѣстнаго въ отчетѣ слѣдственнаго комитета подъ именемъ Южнаго, существовало другое подъ именемъ Славянскаго. Оно имѣло особое образованіе, особый образъ дѣйствія, особую цѣль; большею частію было составлено изъ оберъ-офицеровъ. На маневрахъ корпуса, бывшихъ осенью 1825 года, оно было открыто Бестужевымъ-Рюминымъ и вошло съ нимъ въ нѣкоторыя сношенія, но осталось неизвѣстнымъ первому Тайному Обществу. Когда получено было приказаніе объ арестованіи членовъ Тайнаго Общества на Югѣ, въ арміи находившихся, то между прочими приказано было арестовать черниговскаго пѣхотнаго полка подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола. Онъ въ этотъ день былъ въ корпусной квартирѣ и уѣхалъ оттуда въ полкъ въ городъ Васильковъ. Полковой командиръ Гербель былъ также въ корпусной квартирѣ и получивъ приказаніе арестовать Муравьева-Апостола, поѣхалъ въ Васильковъ для исполненія порученій. Въ полку это уже извѣстно было, въ немъ нѣкоторые офицеры принадлежали къ Славянскому Обществу. Роты собрались для присяги. Командовавшій одною, поручикъ Сухановъ остановился на

крѣпости не достало для помѣщенія всѣхъ арестованныхъ, взятыхъ въ столицѣ и привезенныхъ со всѣхъ сторонъ обширной Россійской имперіи. Военное сопротивленіе преодолено и вся знать, всѣ государственные чины и верховныя правительственныя мѣста безусловно признали возсѣвшаго на руссійскомъ престолѣ. Никто не осмѣлился изъявить мнѣнія, что неправильность пріятія въ новыя руки скипетра могла быть причиною бывшаго сопротивленія. Все приписано было злонамѣренію Тайнаго Общества, и члены его, также и прочія лица, участвовавшія въ происшествіяхъ сихъ дней, преданы были суду, какъ злоумышленники и ослушники законной власти.

Всѣ нижніе чины, схваченные на мѣстѣ битвы, были заключены въ петропавловской крѣпости. Всѣ прочія лица приводились во дворецъ, и новый императоръ самъ всѣхъ допрашивалъ. На многихъ гнѣвъ его выражался ругательствомъ.

дорогѣ, гдѣ должны были проѣзжать Муравьевъ и Гербель и остановивъ обоихъ, не дозволилъ послѣднему привести въ исполненіе даннаго приказанія. Между тѣмъ извѣщенные ротные командиры привели близъ стоявшія роты и когда полковникъ Гербель хотѣлъ ввовъ приступить къ исполненію своего порученія, нанесли ему шпагами многія раны, а Муравьева принудили принять команду надъ полкомъ, который весь скоро собрался.

Князь Оболенской былъ приведенъ съ связанными руками; императоръ обругалъ его, и обратившись къ стоящимъ генераламъ, сказалъ: “вы не можете вообразить, что я терпѣлъ отъ него!” Князь Оболенской былъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ гвардейской пѣхоты, а Николай Павловичъ, какъ великій князь, командовалъ одной изъ дивизій гвардейской пѣхоты.

Многіе вѣрноподданные сами поспѣшали привозить къ императору ближайшихъ своихъ родственниковъ, не дожидаясь, чтобъ приказано было ихъ взять. Такъ Д. С. Ланской не дозволилъ родному племяннику жены своей князю Одоевскому никакой попытки къ избѣжанію ожидавшей его участи, и не давъ ему ни отдохнуть, ни перекусить, повезъ во дворецъ. Супруга Ланскаго наслѣдовала 2,000 душъ отъ князя Одоевскаго по произнесеніи надъ нимъ приговора. Были однакожъ лица, оказавшія состраданіе и человѣколюбіе: капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ, укрываясь отъ преслѣдованія, вошелъ въ незнакомый ему домъ, и пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, очутился въ кабинетѣ одного знатнаго пожилаго человѣка. Удивленный неожиданнымъ явленіемъ Н. спросилъ Бестужева: чего онъ хочетъ? и узнавъ отъ него, что онъ скрывается и голо-

день, заперъ его въ кабинетъ, самъ принесъ ему закусить, предложилъ денегъ и сказалъ, что скрыть его у себя не можетъ, потому что имѣетъ сына въ гвардіи, который непременно его выдастъ, но проводить его самъ изъ дому скрытно. Во время разговора слышали въ ближней комнатѣ голосъ сына, воротившагося съ нѣсколькими другими офицерами и рѣзко изъявлявшаго свое мнѣніе противъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ сей день; старикъ не медля вывелъ Бестужева, который успѣлъ уѣхать въ Кронштадтъ.

Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домъ тещи моей, и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская предложила ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей графиня М. предложила въ своемъ женѣ моей и мнѣ. Это послѣ причтено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домъ иностраннаго посланника. Ночью съ 14го на 15го число г. Ланской приходитъ меня будить и говорить, что императоръ меня требуетъ. Я одѣвшись вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ у него графа Нессельроде въ полномъ мундирѣ, шурина его графа Александра Гурьева, который пришелъ изъ любопытства и съ которымъ мы размѣнялись пожатіемъ руки, и

флигель-адъютанта князя Андрея Михайловича Голицына, который объявилъ мнѣ, что императоръ меня требуетъ. Я сѣлъ съ нимъ въ сани, и когда пріѣхали во дворецъ, онъ въ прихожей сказалъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему потребовать у меня шпагу; я отдалъ, и онъ повелъ меня въ генералъ-адъютантскую комнату, а самъ пошелъ доложить. У каждой двери стояло по трое часовыхъ; вездѣ около дворца и по улицамъ, къ нему ведущимъ, стояло войско и были разведены большіе огни. Меня позвали. Императоръ пришелъ ко мнѣ на встрѣчу въ полной формѣ и лентѣ, и поднявъ указательный палецъ правой руки прямо противъ моего лба сказалъ: "что было въ этой головѣ, когда вы съ вашимъ именемъ, съ вашей фамиліею, вошли въ такое дѣло? Гвардіи полковникъ! князь Трубецкой! какъ вамъ не стыдно быть вмѣстѣ съ такою дрянью? Ваша участь будетъ ужасная!" и обратившись къ генералу Толю, который одинъ былъ въ комнатѣ, сказалъ: "прочтите!" Толь выбралъ изъ бумагъ, лежавшихъ на столѣ одинъ листъ и прочелъ въ немъ показаніе, что бывшее происшествіе есть дѣло общества, которое, кромѣ членовъ въ Петербургѣ, имѣетъ еще большую отрасль въ 4мъ корпусѣ и что дежурный штабъ офицеръ этого кор-

пуса, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка полковникъ князь Трубецкой, находящійся теперь въ Петербургѣ, можетъ дать полное свѣденіе о упомянутомъ обществѣ. Когда онъ прочелъ, императоръ спросилъ: “это Пущина?” — *Толь*: “Пущина.” *Я*: Г. Пущинъ ошибается... *Толь*: А! вы думаете это Пущинъ. — А гдѣ Пущинъ живетъ?

Я видѣлъ, что почеркъ не Пущина, но думалъ, что повторивъ имя его, можетъ быть, назовутъ мнѣ показателя.

На вопросъ Толя я отвѣчалъ: “не знаю.”

Толь. У отца-ли онъ теперь?

Я. Не знаю.

Толь. Я всегда говорилъ покойному государю, ваше величество, что 4ой корпусъ гнѣздо тайнаго общества, и почти всѣ полковые командиры къ нему принадлежатъ; но государю не угодно было вѣрить.

Я. Ваше превосходительство, имѣете очень невѣрные свѣденія.

Толь. Ужъ вы не говорите, я это знаю!

Я. Послѣдствія докажутъ, что ваше превосходительство ошибаетесь. Въ 4мъ корпусѣ нѣтъ никакого тайнаго общества; я за это отвѣчаю.

Императоръ прервалъ нашъ споръ, подавъ

мнѣ листъ бумаги и сказавъ: “пишите показаніе” и показавъ мнѣ мѣсто на диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ котораго теперь всталъ. Прежде, нежели я сѣлъ, императоръ началъ опять разговоръ: “Какая фамилія! Князь Трубецкой! Гвардіи полковникъ! и въ такомъ дѣлѣ! Какая милая жена! Вы погубили жену. Есть у васъ дѣти?” Я: Нѣтъ...

Императоръ, прерывая: “Вы счастливы, что у васъ нѣтъ дѣтей. Ваша участь будетъ ужасная, ужасная!” — И продолжавъ нѣкоторое время въ этомъ тонѣ, заключилъ: “пишите все что знаете” и ушелъ въ другой кабинетъ. Я остался одинъ, видѣлъ себя въ положеніи очень трудномъ. Не хотѣлъ скрывать принадлежности своей къ Тайному Обществу, что и не привело-бы ни къ чему доброму, потому что ясно было изъ прочтеннаго мнѣ и многихъ исписанныхъ разными почерками листовъ, что болѣе извѣстно, нежели-бы я желалъ. Но между тѣмъ я не хотѣлъ имѣть возможность упрекать себя, что я кого бы то ни было называлъ. И потому я въ своемъ отвѣтѣ написалъ, что принадлежу къ Тайному Обществу, которое имѣло цѣлію улучшеніе правительства; что обстоятельства, послѣдовавшія за смертію покойнаго императора, казались Обществу благопріятными

къ исполненію намѣреній его, и что оно, принявъ дѣйствіе, избрало меня директоромъ; но что я наконецъ увидя, что болѣе нужно мое имя, нежели лицо и распоряженіе, совершенно удалился отъ участія.*)

Пока я писалъ, вошелъ Михаилъ Павловичъ и подошелъ ко мнѣ; постоялъ противъ меня и отошелъ. Между тѣмъ приводились другія лица, которыхъ спрашивалъ Толь и которыхъ потомъ выводили. Входилъ императоръ для допросовъ и уходилъ обратно.

Когда я окончилъ писать, подалъ листъ вошедшему Толю. Онъ унесъ его къ императору. Нѣсколько погодя, Толь позвалъ меня въ другой кабинетъ. Я едва переступилъ за дверь, императоръ на встрѣчу въ сильномъ гнѣвѣ: “экъ! что на себя нагородили, а того, что надобно, не сказали.” И скорыми шагами отойдя къ столу, взялъ на немъ четвертку листа поспѣшно, подошелъ ко мнѣ и показавъ: “это что? это ваша рука?” Я. Моя. Императоръ, крича: Вы знаете, что я могу васъ сейчасъ разстрѣлять!

Я, сжавъ руки и также громко: Разстрѣляйте

*) Этой уверткой я надѣялся отсрочить дальнѣйшіе вопросы, къ которымъ не былъ приготовленъ.

государь! вы имѣете право. *Императоръ* также громко: Не хочу! Я хочу, чтобъ судьба ваша была ужасная.

Выпихавъ меня своимъ подходомъ въ передній кабинетъ, повторялъ тоже нѣсколько разъ, понижая голосъ; отдалъ Толю бумаги и велѣлъ приложить къ дѣлу, а мнѣ опять началъ говорить о моемъ родѣ, о достоинствахъ моей жены, о ужасной судьбѣ, которая меня ожидаетъ — и уже все это жалобнымъ голосомъ. Наконецъ подведя меня къ тому столу, на которомъ я писалъ, и подавъ мнѣ лоскутокъ бумаги, сказалъ: “Пишите къ вашей женѣ.” Я сѣлъ, онъ стоялъ. Я началъ писать; “Другъ мой, будь спокойна и молись Богу”... Императоръ прервалъ: “что тутъ много писать! напишите только: я буду живъ и здоровъ.” Я написалъ: “Государь стоитъ возлѣ меня и велитъ написать, что я живъ и здоровъ.” Я подалъ ему; онъ прочелъ и сказалъ: “я живъ и здоровъ буду, припишите *буду* вверху.” Я исполнилъ: онъ взялъ и велѣлъ мнѣ идти за Толемъ. Толь, выведя меня, передалъ тому-же князю Голицыну, который меня привезъ и который теперь, взявъ конвой кавалергардовъ отвезъ меня въ петропавловскую крѣпость и передалъ коменданту Сукину. Шубу мою во дворцѣ

украли и мнѣ саперный полковникъ далъ свою шинель на ватѣ доѣхать до крѣпости.

Здѣсь я нѣсколько часовъ дожидался сначала въ залѣ, потомъ въ домово́й церкви — до тѣхъ поръ, какъ отвели меня въ Но. 7 Алексѣевского равелина. Въ церквѣ я горячо помолился, особенно при мысли, что, можетъ быть, я болѣе никогда уже не буду въ храмѣ Божіемъ.

Когда меня привели въ назначенный мнѣ номеръ равелина, велѣли раздѣться, и оставя на мнѣ только рубашку, портки и чулки, подали халатъ и короткіе туфли, которые чрезъ нѣсколько дней перемѣнили на большія изорванныя. Окно мое не было замазано подобно другимъ окнамъ; причины тому я никогда не могъ узнать. Окошечко въ дверяхъ, завѣшанное снаружи, давало возможность видѣть, меня во всякое время, а мнѣ воспреещало видѣть, что дѣлается въ корридорѣ. На ночь горѣла на окнѣ лампада, которую зажигали, какъ скоро погасала. Мебель состояла изъ очень жесткой постели, маленькаго столика, стула и судна. Вечеромъ подавали свѣчу и щипцы, у которыхъ обломанъ былъ кончикъ; ножей и вилокъ не давали, посуда была оловянная. Чрезъ нѣсколько дней жена моя прислала мнѣ бѣлья и мнѣ давали его въ перемѣну. Осматривали пристально, чтобъ

не было ничего остроконечнаго, даже булавки. Пищу давали: поутру чай съ бѣлой булкой, обѣдать супъ или щи, говядину и кашу или картофель; вечеромъ чай и ужинъ.

Бъ теченіи первыхъ не менѣе какъ шести недѣль по ночамъ будили насъ громкимъ стукомъ въ коридорѣ; на вопросы о стукѣ не давали отвѣта и вообще всѣ вопросы почти всегда оставались безъ отвѣта, или отвѣтъ былъ: не знаю, не слыхалъ и т. п. Въ теченіи дня и по вечерамъ прислужники подкрадывались тихонько въ валенкахъ или чемъ подобномъ, чтобъ не было слышно ихъ шаговъ, и украдкой посматривали въ дверное окно. Случалось сначала довольно часто слышать и деревяшку коменданта, сопровождавшую ноги, обутыя въ сапоги и шпоры, и голоса, между которыми многіе полагали “похожій на голосъ императора.” Однажды я довольно внятно слышалъ, какъ Сукинъ съ уваженіемъ отвѣчалъ на вопросы и называлъ номера и сидящихъ въ нихъ.

17го вечеромъ пришелъ за мной плацъ-адъютантъ и принесли мнѣ мой мундиръ. Я одѣлся и меня отвели въ домъ коменданта, гдѣ я нашелъ генерала Левашова. Дорогой я, будучи въ одномъ мундирѣ, жестоко озябъ, и кажется Левашовъ принялъ дрожь мою за трусость, потому

что онъ спросилъ меня, отчего я дрожу? Сказавъ мнѣ по-французски, что онъ присланъ отъ императора распросить меня, онъ прибавилъ: Ah, mon Prince! vous avez fait bien du mal à la Russie, vous l'avez reculée de cinquante ans.*) Потомъ онъ сталъ спрашивать меня о составѣ и образованіи южнаго общества. На отвѣтъ мой, что я не могу ему дать никакихъ о томъ свѣдѣній, потому что самъ ихъ не имѣю, онъ мнѣ прочелъ многія подробности, изъ которыхъ я къ удивленію увидѣлъ, что извѣстенъ весь составъ и всѣ лица. (Я не зналъ, что Майборода сдѣлалъ свой доносъ).

Вы, генералъ, гораздо больше знаете, нежели я; почти все, что вы мнѣ читали, для меня ново.

Онъ. Это не можетъ быть; вы только не хотите сказать.

Я. Еслибъ я желалъ, то ничего не могу вамъ сказать, потому что ничего этого не знаю.

Онъ. Вы были на Югѣ и вы видѣлись съ Пестелемъ.

Я. Нѣтъ, я Пестеля не видалъ уже нѣсколько лѣтъ. Могу-ли я объ немъ теперъ спросить?

---

*) Ахъ князь! вы сдѣлали много зла Россіи, вы ее отодвинули назадъ за пятьдесятъ лѣтъ.

Онъ. Онъ арестованъ. Если вы не хотите мнѣ отвѣчать, то вы можете писать прямо къ государю.

Спросивъ меня: принадлежитъ-ли къ Обществу полковникъ И. М. Бибиговъ и получивъ отъ меня отрицательный отвѣтъ, генералъ Левашовъ меня отпустилъ.

Мнѣ показалось, что генералъ Левашовъ не очень повѣрилъ утвержденію моему о непринадлежности Бибигова въ Тайному Обществу, и потому возвратившись въ номеръ, я спросилъ листъ почтовой бумаги, перо и чернилицу и написалъ къ Левашову письмо, въ которомъ положительно утверждалъ, что Бибиговъ не принадлежалъ къ Тайному Обществу и ничего не зналъ ни о существованіи его, ни о 14мъ числѣ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней пришелъ ко мнѣ смотритель равелина (старикъ Лиліенанкоръ) съ большимъ конвертомъ въ рукѣ и спросилъ меня: писалъ-ли я къ государю? На отрицательной мой отвѣтъ сказалъ, что кто-то писалъ изъ равелина и что вѣроятно онъ ошибся номеромъ, и вышелъ.

23го вечеромъ приходилъ за мной плацъ-адъютантъ. Я одѣлся; меня повезли въ домъ коменданта. Войдя въ комнату, я нашелъ сидящихъ

за столомъ: въ головѣ военнаго министра Татищева, по правую его руку великаго князя Михаила Павловича, по лѣвую князя А. Н. Голицына, возлѣ нихъ Г. А. Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашова, флигель-адъютанта полковника Адлерберга и 5го класса Боровкова. Начались вопросы о 14мъ числѣ, о цѣли его и о средствахъ достиженія цѣли. Я отвѣчалъ, что цѣль была доставить Россіи правильное правленіе, воспользовавшись обстоятельствами небывалыми въ Россіи; что мы увѣрены были, что войско не повѣритъ манифесту, который не будетъ изданъ отъ лица государя, которому присягали, и упорство войска принести присягу хотѣли обратить къ произведенію въ законоположеніи тѣхъ перемѣнъ, которыя избавили-бы отечество наше на будущее время отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи; что когда сопротивленіе оказалось-бы довольно сильное, то вѣроятно власть вступила-бы съ нами въ переговоры, и тогда мы могли-бы отечеству своему доставить то, что желали.

Великій князь. Кто вступилъ-бы съ вами въ переговоры?

Я. Государь.

Великій князь (съ гнѣвомъ). Съ вами? съ Кн. Трубецкой.

бунтовщиками!! Это дѣло иностранное. На площади былъ князь Шварценбергъ, отъ австрійскаго посольства.

Я. Мы не допустили-бы никакого иностранца вмѣшаться въ наше дѣло. Оно должно было быть совершенно русское.

Великій князь. Какъ зовутъ секретаря графа Лебцельтерна?

Я. Ихъ нѣсколько.

Великій князь. Son secretaire particulier?")*)

Я. Я не знаю его имя.

Великій князь. Какъ вы не знаете?... Slumlauer.

Я. Онъ не частный секретарь, онъ секретарь посольства.

Великій князь. Все равно.

Продержавъ меня довольно долго, отпустили. Выходя въ другую комнату, я увидѣлъ, что поспѣшно накинули кому-то, не большаго роста, на голову мѣшокъ, чтобъ я не узналъ.

24го вечеромъ опять потребовали меня, и я нашелъ тоже собраніе. Сегодня вопросы были многочисленнѣе; два, три человѣка спрашивали разныя вещи въ одно время съ насмѣшками, кол-

---

*) Его частный секретарь.

костями, почти ругательствами, одинъ противъ другаго наперерывъ. *) Я наконецъ сказалъ: Господа, я не могу отвѣчать всѣмъ вмѣстѣ; каж-

*) Между прочимъ, послѣ разныхъ вопросовъ о разговорахъ и совѣщаніяхъ между членами до 14-го числа, Бенкендорфъ спросилъ:

“Когда все было положено между вами, вы возвратившись домой повѣрили все княгинѣ, вашей женѣ.”

Я. Нѣтъ, генералъ! Я женѣ моей ничего не повѣряю она не болѣе знала, какъ и вы.

Бенкендорфъ. Почему-жъ не повѣрить? это очень натурально. Когда любишь жену, то очень натурально повѣрить ей свои тайны.

Я. Я не понимаю, какое вы имѣете понятіе о супружеской любви, когда полагаете, что можно повѣрить женѣ такую тайну, которой познаніе можетъ подвергнуть ее опасности.

Бенкендорфъ. Да чтожъ тутъ удивительнаго? C'est très naturel que vous ayez confié à votre femme les projets qui vous occupaient, et il n'y a là rien qui doit étonner, c'est fort simple. Si vous n'avez pas tout dit à la princesse, vous deviez nécessairement lui confier au moins quelque chose. [Очень естественно, что вы свои намѣренія повѣрили женѣ; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, это очень просто. Если вы не все рассказывали княгинѣ, то по крайней мѣрѣ что-нибудь]... При каждомъ вопросѣ Бенкендорфа мое негодованіе возрастало, и теперь возросло до высочайшей степени. Je ne sais pas, général, comment vous aimez votre femme, mais ce que je sais, moi, c'est que si j'avais jamais confié à ma femme un secret, dont la connaissance aurait pu seulement la compromettre, je me serais considéré comme un infâme. [Не знаю, генералъ, какъ вы любите свою жену, но что

дый спрашиваетъ разное. Извольте спрашивать меня по порядку, и тогда я буду отвѣчать.”

Г. А. Голенищевъ-Кутузовъ (съ громкимъ хохотомъ). Нѣтъ, эдакъ лучше, скорѣй собьется!

Я. Надѣюсь, что не доставлю этого удовольствія вашему превосходительству. Я повторяю, что не могу отвѣчать, когда меня такъ спрашиваютъ, какъ теперь. Всѣ говорятъ вмѣстѣ наперерывъ. Напали на меня, какъ на бѣшеную собаку. Вы требуете отвѣта о бывшемъ за нѣсколько лѣтъ. Можно-ли все припомнить въ одну минуту? Если вамъ угодно имѣть отъ меня отвѣты, задайте мнѣ писанные вопросы, и тогда я буду отвѣчать.

Почти всѣ. Вотъ еще! Отвѣчайте словесно.

Я. Я не могу отвѣчать.

В. К. Требованіе князя Трубецкаго справед-

я знаю, это то, что еслибъ я сказалъ моей женѣ тайну, которая могла бы подвергнуть ее отвѣтственности, я-бы считалъ себя подлецомъ].

Левашовъ, который сидѣлъ послѣдній ко мнѣ и возлѣ Бенкендорфа, поспѣшилъ теперь прервать разговоръ, и обратясь къ нему сказалъ: *Écoutez, Benkendorff, c'est très probable, que le prince n'a voulu rien confier à sa femme et qu'elle n'a rien su*“. [Послушайте, Бенкендорфъ, очень вѣроятно, что князь ничего не хотѣлъ говорить женѣ и что она ничего не знала].

ливо. Задайте ему письменные вопросы и пошлите ихъ къ нему, чтобъ онъ письменно отвѣчалъ.

Члены согласились. Всѣ встали. К. Голицынъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: "Государь вами очень недоволенъ. Вы не хотите ничего отвѣчать. Государю ваши отвѣты не нужны для узнанія дѣла; все уже извѣстно. Онъ желаетъ видѣть только вашу откровенность, и что вы чувствуете милости его. Не заставьте принять съ вами непріятныхъ для васъ мѣръ."

Я. Я уже сказалъ государю въ первый день все, что касается моего участія, и готовъ пополнить все, что угодно будетъ еще спросить. Но согласитесь ваше сіятельство, что я не могу быть донощикомъ.

Подошелъ военный министръ и плачущимъ тономъ сталъ уговаривать меня, чтобъ я все открылъ.

Наконецъ меня отпустили, продержавъ очень долго. Я пришелъ въ свой номеръ въ совершенномъ изнеможеніи и сталъ харкать кровью.

На другой день Р. Х. я былъ боленъ. Присланы вопросные пункты, на которые отвѣчалъ.

Не помню въ какой день получилъ запросы о письмѣ, писанномъ чрезъ Свистунова въ Москву къ Степану Михайловичу Семенову. Отвѣчалъ,

что увѣдомлялъ его о происшествіяхъ, бывшихъ въ Петербургѣ. Потомъ получилъ запросъ: “кѣмъ Семеновъ принять въ Общество?” Отвѣчалъ, что не знаю. Вечеромъ требуютъ меня въ комитетъ.

Послѣ различныхъ вопросовъ о знакомствѣ моемъ и перепискѣ съ Семеновымъ и о принадлежности его къ Обществу, на которые вопросы я отвѣчалъ, что полагаю его членомъ, но утвердительно сказать не могу, чтобъ онъ былъ имъ, — говорятъ мнѣ, чтобъ я обернулся и спрашиваютъ: “узнаю-ли я Семенова?” Я обернулся и увидѣлъ его за собою. Повторяютъ вопросъ: “этотъ-ли Семеновъ принадлежалъ къ Обществу?” На повторенный отвѣтъ мой, что я утвердительно сказать не могу: принадлежитъ-ли онъ къ Обществу, Семеновъ возразилъ: “какъ-же, князь! вы знаете, что я не принадлежалъ къ обществу; вы меня въ Тайное Общество не принимали а съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Петербурга, вы знаете, гдѣ я былъ и что я тамъ не могъ быть принять никѣмъ.

Я. Г. Семеновъ говоритъ правду, я его никогда не принималъ, и не знаю, чтобъ кто-либо другой его принималъ.

Вопросъ. Вы писали къ г. Семенову чрезъ

Свистунова; вы писали къ нему, какъ къ члену Тайнаго Общества.

Я. Что я писалъ г. Семенову, я могъ писать и ко всякому другому знакомому, хоть бы онъ и не былъ членомъ Тайнаго Общества.

Вопросъ. Но вѣдь вы полагали г. Семенова членомъ Тайнаго Общества и писали къ нему не только чрезъ Свистунова въ Москву, но и прежде съ нимъ переписывались.

Я. Наша переписка касалась единственно личныхъ дѣлъ г. Семенова.

Семеновъ. Кн. Трубецкой знаетъ, что когда мы видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ, я не былъ членомъ Тайнаго Общества, это онъ можетъ подтвердить. Съ тѣхъ поръ я жилъ три года, отдаленъ отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ.

Ген. Левашовъ, обращаясь къ комитету: “князь Трубецкой не хочетъ доказать, что г. Семеновъ принадлежитъ къ Тайному Обществу, и я знаю почему: г. Семеновъ принялъ его брата, и кн. Трубецкой боится, чтобъ г. Семеновъ этого не объявилъ, когда онъ докажетъ ему, что онъ членъ Тайнаго Общества.”

Я. Предположеніе ген. Левашова несправедливо; ни одинъ изъ моихъ братьевъ не принадлежитъ къ Обществу.

Левашовъ. Вашъ братъ, который служитъ въ кавалергардскомъ полку, членъ Тайнаго Общества.

Я. Неправда!

Левашовъ (къ комитету). Г. Семеновъ воспитывалъ меньшаго брата кн. Трубецкаго и принялъ его въ Тайное Общество.

Я. Неправда! Братъ мой, о которомъ теперь говоритъ г. Левашовъ, не принадлежитъ къ Тайному Обществу, и ни одинъ изъ моихъ братьевъ не зналъ о существованіи Тайнаго Общества. Г. Семеновъ пріѣзжалъ изъ Москвы съ моею мачихою и жилъ съ полгода у нея въ домѣ, занимаясь меньшимъ моимъ братомъ, и еслибъ тогда г. Семеновъ былъ членомъ Общества, то не могъ бы принять моего брата, которому было не болѣе 15 лѣтъ; тогда г. Семеновъ не былъ членомъ Общества, а послѣ того онъ брата моего не видалъ.

Послѣ этого Семеновъ продолжалъ доказывать, что онъ не могъ принадлежать къ Тайному Обществу, опираясь болѣе на томъ, что онъ былъ въ разлукѣ съ членами его, и на томъ, что изъ всѣхъ онъ былъ болѣе знакомъ со мною, и что кромѣ меня никто по этой причинѣ не могъ бы его принять; а что я его не принималъ, въ этомъ онъ ссылается на меня. И вообще всѣ свои ссылки на меня дѣлалъ такъ ловко, что я долженъ былъ

по справедливости все подтверждать. Наконецъ меня отпустили, оставивъ Семенова.

Въ другой разъ призывали меня также вечеромъ въ комитетъ, который я нашелъ этотъ разъ полнѣе прежняго. Тутъ сидѣли, кромѣ прежнихъ видѣнныхъ мною лицъ, Дибичъ и Потаповъ. Во все время говорилъ и допрашивалъ Дибичъ одинъ. Предъ комитетомъ стоялъ Батенковъ. Требовали, чтобъ я доказалъ, что Батенковъ принадлежалъ къ Обществу, и говорили, что 19ть есть на то показаній. Я отозвался, что доказать о принадлежности Батенкова не могу, потому что не знаю, чтобъ кто его когда принималъ, и самъ никогда не говорилъ съ нимъ объ Обществѣ; что съ нимъ очень мало былъ знакомъ; что разъ я разговаривалъ съ нимъ передъ 14мъ числомъ о странныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ было тогда наше отечество, и что этотъ разговоръ оправдывался бывшими тогда обстоятельствами, и не нужно было принадлежать къ Тайному Обществу, чтобъ разговаривать о такомъ предметѣ, который такъ много всѣхъ занималъ.

Сидя въ своемъ номерѣ равелина, я дивился, что не имѣю никакихъ вопросовъ о членахъ Общества на Югѣ. Разъ только получилъ я бумагу, въ которой было сказано, что полковникъ Пестель

показываетъ одно обстоятельство, на которое требовали моего объясненія, и болѣе никогда не поминали ни о комъ изъ Южныхъ членовъ. Я не зналъ ни доносовъ Майбороды, Шервуда и Вита, ни возстанія черниговскаго полка, и не могъ разгадать такого молчанія. Долженъ однакожь былъ заключать, что комитетъ имѣетъ свѣденія важнѣйшія тѣхъ, которыя-бы могъ ожидать отъ меня.

До масленицы я не получалъ никакихъ почти вопросовъ, исключая о принадлежности нѣкоторыхъ членовъ, и о томъ: кѣмъ и когда они были приняты? На эти вопросы отзывался незнаніемъ. Наконецъ въ началѣ поста, кажется на 2ой недѣлѣ, пришелъ за мной плацъ-адъютантъ, и въ комнатѣ, въ который собирался комитетъ, я нашелъ генерала Чернышева и полковника Адлерберга. Первый держалъ въ рукахъ тетрадь въ нѣсколько листовъ, по которой предлагалъ мнѣ различные вопросы, болѣею частію нелѣпые, по показанію будто-бы многихъ членовъ общества, о пребываніи моемъ за границей, дѣйстви тамъ и знакомствѣ. Адлербергъ въ это время рисовалъ на бумагѣ предъ нимъ лежащей, и какъ мнѣ многіе сказывали — это было вообще его занятіе во время допросовъ. Чернышевъ допрашивалъ съ какою-то насмѣшкою. Продержавъ до-

вольно, отпустили. На другой день я получилъ огромную тетрадь, въ которой спрашивались различные подробности о дѣйстви предъ 14мъ числомъ, и о предположенномъ дѣйстви этого числа. Большею частію допросные пункты были нелѣпы; между ними былъ: “кто вызвался нанести ударъ, по моему предложенію, царствующему императору?” На этотъ вопросъ должно-бы было просто отвѣчать, что этого никогда не было и что никто не вызывался, что была истина. Но я прежде, нежели отвѣчать на него, вздумалъ намекнуть объ немъ въ письмѣ къ женѣ моей (я каждый вечеръ посылалъ къ ней письма чрезъ плацъ-адъютанта). На другой день поутру плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ письмо назадъ, сказавъ, что велѣно мнѣ сказать, что не нужно подобныхъ вещей писать, что они могутъ огорчить жену мою. Тогда я въ отвѣтъ на допросъ написалъ, что такого ужаснаго допроса комитетъ, вѣроятно, не сдѣлалъ-бы мнѣ, еслибъ кто-нибудь того не показалъ, и потому могутъ показателя спросить, чтобъ онъ назвалъ того, кто вызвался; а я самъ никого не знаю. Разсужденіе, которому я слѣдовалъ, сдѣлавъ такой отвѣтъ, было ложно: оно основывалось на увѣренности, что комитетъ и всѣ дѣйствія его ничто болѣе какъ комедія; что

участь моя и всѣхъ прочихъ со мною содержащихся давно уже рѣшена въ умѣ императора, и что какъ-бы дѣло ни пошло, мнѣ суждено сгнить въ крѣпостномъ заточеніи; и потому если императоръ будетъ по моимъ отвѣтамъ заключать, что я упорствую въ заперательствѣ, то заключение мое будетъ строже. Отъ того я вздумалъ, не отвергая рѣшительно показанія, заставить обратиться къ показателю, который не въ состояніи будетъ поддержать своего показанія, назвавъ небывалое лицо. Я, кажется, въ предположеніи своемъ кругомъ ошибся. На прочіе вопросы я отвѣчалъ подробно, когда касалось это собственныхъ моихъ предположеній или дѣйствій, стараясь избѣгать утвержденія показаній на другія лица; при всемъ томъ вырвались у меня неосторожныя слова на лейтенанта морскаго гвардейскаго экипажа Арбузова. *)

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, пришелъ ко мнѣ священникъ. Онъ уже разъ былъ у меня,

---

*) Ихъ нельзя уже было вымарать ни изорвать, потому что листы, которые давались на отвѣты, были занумерованы, но къ счастью онъ заперся въ томъ, что я на него показалъ, и когда спросили вновь моего подтвержденія, я имѣлъ возможность поправить свою ошибку и отпереться отъ словъ своихъ.

и какъ мнѣ казалось — хотѣлъ ко мнѣ подладиться, но не довольно ловко, и я остался въ сомнѣніи относительно его мыслей и намѣреній. Теперь, казалось мнѣ, представился случай узнать и тѣ и другія, и то, прямо-ли онъ дѣйствуетъ или хитритъ? Для этого я ему разсказалъ о вопросѣ касательно лица императора и о моемъ на него отвѣтѣ. По впечатлѣнію, которое это на него сдѣлало, я заключилъ, что онъ человѣкъ съ хорошими чувствами. Онъ просилъ меня, чтобъ я всякую ложь отвергалъ рѣшительно. Потомъ спросилъ меня: не хочу-ли я принять исповѣди, и на согласіе мое — сказалъ, что будетъ ко мнѣ для принятія ея. Я однакожъ ожидалъ его нѣсколько недѣль и онъ пришелъ уже только тогда, когда я пересталъ его ждать. Съ искреннимъ чувствомъ моего недостойинства приступилъ я къ причащенію крови и тѣла Христовыхъ, и чистая радость овладѣла въ эту минуту душею моею, и упованіе на милость Божію твердо вкоренилась въ сердцѣ моемъ. Исповѣдь моя, кажется, привязала ко мнѣ священника; онъ меня полюбилъ и съ этой поры довольно часто меня навѣщалъ. Онъ убѣдился, что все то, что онъ слышалъ про меня, было ложь, и что я могъ ошибаться на пути добра, но зла никогда на умѣ не имѣлъ, и

что находили нужнымъ приписать мнѣ злые умыслы для того, чтобъ оправдать ту степень приговора, которому намѣрены были меня подвергнуть.

Въ теченіи этого времени я не получалъ почти никакихъ запросовъ и меня ничѣмъ комитетъ не тревожилъ. Но 28го Марта, послѣ обѣда отворяютъ дверь моего номера и входитъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, высылаетъ офицера и послѣ не значущихъ замѣчаній — о сырости моего жилища садится на стулъ и просить меня сѣсть. Я сѣлъ на кровать.

Онъ. Je suis venu chez vous de la part de Sa Majesté l'Empereur. Vous devez considérer comme si vous parliez avec l'Empereur lui-même; je ne suis qu'un intermédiaire nécessaire. L'Empereur, comme de raison, ne peut pas venir vous voir lui-même. Il ne peut pas venir ici, il serait inconvenable qu'il vous fasse appeler chez lui; il faut donc qu'il y ait un intermédiaire entre lui et vous. La conversation qui aura lieu entre vous et moi doit donc être un secret pour tout le monde, comme si elle avait lieu entre l'Empereur et vous. Sa Majesté a de grandes bontés pour vous, et elle attend un témoignage de votre reconnaissance. *)

*) Онъ (Бенкендорфъ). Я пришелъ къ вамъ отъ имени

Я. Général, je suis très reconnaissant à Sa Majesté pour toutes ses bontés, dont voici le témoignage *) (показывая на кипу писемъ жениныхъ, лежащихъ у меня на столѣ и которыя я получалъ ежедневно).

Онъ. Qu'est-ce que c'est que cela ? Il ne s'agit

его величества. — Вы должны представить себѣ, что говорите съ самимъ императоромъ, въ этомъ случаѣ я только необходимый посредникъ. Очень естественно, что императоръ самъ не можетъ же придти къ вамъ. Самъ онъ не можетъ придти сюда, васъ позвать къ себѣ — для него неприлично; слѣдовательно между вами и имъ необходимъ посредникъ. Разговоръ нашъ останется тайною для всего свѣта, какъ будто-бы онъ происходилъ между вами и самимъ государемъ. Его величество очень снисходителенъ къ вамъ и ожидаетъ отъ васъ доказательства вашей благодарности.

*) *Я.* Генераль, я очень благодаренъ его величеству за его снисходительность, и вотъ доказательство ея.

Онъ. Да что это!... дѣло не въ томъ — помните, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Я знаю, что нахожусь ближе къ послѣдней.

Онъ. Хорошо! Вы не знаете, что государь дѣлаетъ для васъ. Можно быть добрымъ, можно быть милосерднымъ, но всему есть границы. Законъ предоставляетъ императору неограниченную власть, однако есть вещи, которыя ему не слѣдовало-бы дѣлать, и я осмѣливаюсь сказать, что онъ превышаетъ свое право милуя васъ. Но нужно чтобъ и съ вашей стороны вы ему доказали свою благодарность. Опять повторяю вамъ, что все сообщенное вами будетъ извѣстно одному только государю, я только посредникъ, черезъ котораго ваши слова передаются ему.

pas de cela. Rappelez-vous, que vous êtes entre la vie et la mort...

А. Je le sais bien, général, que je suis plus près de la dernière.

Онъ. Eh bien ! Vous ne savez pas ce que l'Empereur fait pour vous. On peut être bon, on peut être clément, mais il y a une mesure à tout. La loi donne un pouvoir absolu à l'Empereur, cependant il y a des choses qu'il ne devrait pas faire, et je ne crains pas de dire, qu'il outre-passe même son droit de faire grâce en votre faveur. Mais il faut aussi que de votre côté vous lui donniez une preuve de votre reconnaissance. Je vous répète de nouveau, que tout ce que vous me direz, ne sera connu que de la personne de l'Empereur, et que je ne suis que le canal par lequel vos paroles devront passer.

А. Je vous ai déjà dit, général, que je suis très reconnaissant à Sa Majesté pour la bonté qu'elle a eu de me permettre de correspondre avec ma femme. Et je voudrais savoir comment je puis lui témoigner ma reconnaissance.

Онъ. L'Empereur voudrait savoir quelles sont les relations que vous avez eues avec M. Speranski.

А. Je n'ai eu aucune relation particulière avec M. Speranski.

Онъ. Permettez. Je dois vous dire, de la part de Sa Majesté l'Empereur, qu'elle vous certifie par ma bouche, que tout ce que vous me direz sur M. Speranski restera un secret entre lui et vous. Qu'il n'en arrivera rien à M. Speranski; il est au-dessus de cela. On a besoin de lui, mais l'Empereur veut seulement savoir quel degré de confiance il doit lui accorder.

Я. Général, je ne puis rien vous citer de mes relations avec M. Speranski, excepté les relations qu'on a ordinairement en société.*)

Онъ. Mais vous avez raconté à quelqu'un une conversation que vous avez eue avec M. Speranski.

*) Я. Я уже сказалъ вамъ, что очень благодаренъ государю за позволеніе переписываться съ моей женой. Мнѣ-бы очень хотѣлось знать какимъ образомъ я могу показать свою признательность.

Онъ. Государь хочетъ знать въ чемъ состояли ваши сношенія съ Сперанскимъ.

Я. У меня не было съ нимъ особенныхъ, сношеній.

Онъ. Позвольте, я долженъ вамъ сказать отъ имени его величества, что все сообщенное вами о Сперанскомъ останется тайной между имъ и вами. Ваше показаніе не повредитъ Сперанскому, онъ выше этого. Онъ необходимъ, но государь хочетъ только знать до какой степени онъ можетъ довѣрять Сперанскому.

Я. Генералъ, я ничего не могу вамъ сообщить особеннаго о моихъ отношеніяхъ къ Сперанскому, кромѣ обыкновенныхъ свѣтскихъ отношеній.

Кн. Трубецкой.

Vous l'avez même consulté sur la constitution à donner à la Russie. *)

*) Онъ. Но вы рассказывали кому-то о вашемъ разговорѣ съ Сперанскимъ. Вы даже совѣтовались съ нимъ о будущей конституціи Россіи.

Я. Это несправедливо генералъ, его величество ввели въ заблужденіе.

Онъ. Я опять долженъ напомнить вамъ, что вамъ нечего бояться за Сперанскаго. Самъ государь увѣряетъ васъ въ этомъ, а вы обязаны ему большою благодарностью, вы не можете себѣ представить, что онъ дѣлаетъ для васъ. Опять говорю вамъ, что онъ преступаетъ, относительно васъ, всѣ божескіе и человѣческіе законы. Государь хочетъ, чтобъ вы вашей откровенностью доказали ему свою признательность.

Я. Мнѣ бы очень хотѣлось доказать мою признательность всѣмъ что только находится въ моей власти; но не могу-же я клеветать, на кого-бы то ни-было; не могу-же я говорить то, чего никогда не случалось. Государь не можетъ на дѣяться, чтобъ я выдумалъ разговоръ, котораго вовсе не происходило. Да если-бы я и былъ достаточно слабъ для этого, надо еще доказать, что я именно имѣлъ этотъ разговоръ.

Онъ. Да вы рассказали кому-то объ немъ.

Я. Нѣтъ генералъ, я не могъ рассказывать разговоръ, котораго не было.

Онъ. Государь знаетъ, что вы рассказали его одному лицу, и онъ узналъ объ немъ именно отъ этаго лица.

Я. Могу васъ увѣрить, генералъ, что это лицо солгало государю.

Онъ. Берегитесь, князь Трубецкой, вы знаете, что вы находитесь между жизнью и смертью.

Я. Знаю, но не могу-же я сказать ложь и я долженъ повторить вамъ, что лицо, имѣвшее дерзость сообщить го-

Я. C'est faux, général; on a induit Sa Majesté en erreur.

Онъ. Je dois vous répéter de nouveau, que vous n'avez rien à craindre pour M. Speranski. C'est l'Empereur qui vous le dit lui-même. Et vous devez une profonde reconnaissance à Sa Majesté, parce que vous ne pouvez pas même vous représenter ce qu'il fait pour vous. Je vous dis encore une fois, qu'il outrepassé toutes les lois divines et humaines en votre faveur. L'Empereur désire seulement que vous lui prouviez votre reconnaissance par votre sincérité.

Я. Je voudrais bien prouver ma reconnaissance par tout ce qui est en mon pouvoir. Mais je ne puis calomnier personne. Je ne puis pas dire ce qui n'a jamais été. L'Empereur ne peut pas attendre de moi, que j'invente une conversation

---

сударю о какомъ-то разговорѣ моемъ съ Сперанскимъ, солгало, и я докажу это на очной ставкѣ. Пусть государь сведетъ меня съ этимъ лицомъ и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Это невозможно, вамъ нельзя дать очную ставку съ этимъ лицомъ.

Я. Назовите мнѣ его и я докажу, что оно солгало.

Онъ. Я не могу никого называть; вспомните сами.

Я. Совершенно невозможно, генералъ, вспомнить о разговорѣ, котораго никогда не было.

qui n'a pas eu lieu. Et même si je pouvais avoir cette faiblesse, faudrait-il encore que je prouve que j'aie eu cette conversation.

Онз. Mais vous avez raconté à quelqu'un cette conversation.

А. Non, général; je n'ai pas pu raconter une conversation qui n'a pas existée.

Онз. L'Empereur sait que vous l'avez racontée à une personne, et c'est de cette personne même que l'Empereur la tient.

А. Je puis vous assurer, général, que cette personne en a menti à l'Empereur.

Онз. Prenez garde, prince Troubetskoï! vous savez que vous êtes entre la vie et la mort.

А. Hé, général, je le sais bien. Mais je ne puis dire un mensonge, et je dis que la personne qui a eu l'effronterie de dire à l'Empereur que je lui ai parlé d'une prétendue conversation avec M. Speranski, en a menti, et je le prouverai en face à cette personne. Que l'Empereur veuille bien me faire donner une confrontation avec cette personne, et je lui prouverai qu'elle en a menti!

Онз. C'est impossible. On ne peut vous donner une confrontation avec elle.

А. Si vous voulez me la nommer, général, je vous prouverai qu'elle en a menti.

Онъ. Je ne puis vous nommer personne; tâchez de vous en rappeler vous-même.

Я. Il est impossible, général, que je me rappelle avoir dit à quelqu'un quelque chose que je n'ai jamais dit.

Въ этомъ родѣ разговоръ продолжался еще долгое время, сначала по французски, потомъ по русски.

Г. Бенкендорфъ, стараясь меня уговорить рассказать мой разговоръ съ Сперанскимъ, а я требуя очной ставки съ доносчикомъ. Наконецъ онъ ушелъ, потребовавъ отъ меня, чтобъ я написалъ сей-же часъ къ нему все что я знаю о Сперанскомъ, и сказавъ мнѣ, что онъ будетъ ожидать моего письма въ крѣпости.

По уходѣ его отъ меня, я думалъ, думалъ что напишу; наконецъ рѣшился написать разговоръ о Сперанскомъ, Магницкомъ и Барановѣ, который былъ у меня съ Батенковымъ и Рылѣвымъ, и запечатавъ отправилъ тутъ же въ собственные руки Бенкендорфа.

Этотъ разговоръ я рассказалъ послѣ исповѣди священнику, который въ свою очередь рассказалъ мнѣ, что 29 или 30 Марта, возили полковника Батенкова во дворецъ. Долго думавъ о томъ, кто-бы могъ сказать такую вещь импера-

тору, онъ наконецъ увѣрялъ меня, что это не изъ крѣпости вынесено, но что навѣрное; кто сказалъ, тотъ внѣ крѣпости. Тогда я подумалъ, что это долженъ быть генералъ Сергѣй Шиповъ, къ которому теперь должно обратиться.

По смерти императора Александра, я поѣхалъ къ Шипову, и мы вдвоемъ разговаривали о тогдашнихъ обстоятельствахъ. — Онъ сожалѣлъ, что брата его не было въ городѣ, который съ 2мъ преображенскимъ баталліономъ стоялъ внѣ города, какъ и всѣ 2ые баталліоны гвардейскихъ полковъ. — С. Шиповъ говорилъ, что желаетъ устроить такъ, чтобъ можно было намъ втроемъ поговорить. Чрезъ нѣсколько дней я поѣхалъ къ нему опять. Мнѣ казалось, что онъ хотѣлъ избѣжать разговора; потому что онъ просилъ меня прослушать его проэктъ о фурштатскихъ баталліонахъ. Я скоро прекратилъ чтеніе огромнѣйшей тетради, сказавъ ему, что можемъ заняться важнѣйшимъ и поговорить о предметахъ, которые теперь ближе касаются насъ. Онъ положилъ свою тетрадь, и мы снова стали говорить о тогдашнихъ обстоятельствахъ и дѣлать различныя предположенія о будущемъ императорѣ. Наконецъ онъ сказалъ: „Большое несчастіе будетъ, если Константинъ будетъ императоромъ”.

Я. Почему ты такъ судишь?

Онъ. Онъ варваръ.

Я. Но и Николай человѣкъ жестокой.

Онъ. Какая разница! Этотъ человѣкъ просвѣщенный, а тотъ варваръ.

Я. Константинъ теперь не молодъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ Варшавѣ, онъ ведетъ себя совсѣмъ иначе, нежели велъ себя въ Петербургѣ. Говорятъ, жена его очень смягчила его нравъ и почти совсѣмъ его перемѣнила.

Онъ. Нѣтъ, какъ можно сравнить его съ Николаемъ; это человѣкъ просвѣщенный, европейской, а тотъ злой варваръ.

Я. Ты, можетъ быть, ближе знаешь Николая, нежели я, и можешь лучше судить о немъ. Я вижу, что Константину солдаты присягнули съ готовностію, можетъ быть оттого, что они его не знаютъ; десять лѣтъ онъ въ отсутствіи, а меньшихъ братьевъ они ненавидятъ, и очень худо объ нихъ относятся. Если Константинъ откажется, то трудно будетъ заставить солдатъ присягнуть Николаю. Ты можешь о томъ судить потому, что было во внутреннемъ караулѣ въ день присяги. У насъ это новое, чтобъ императоръ, которому присягнули, отказался отъ престола. Какимъ образомъ заставить солдатъ повѣ-

рить такому небывалому примѣру? Особенно если Константинъ не прїѣдетъ и лично не объявитъ солдатамъ, что онъ передаетъ престолъ меньшому брату, то я не знаю, что изъ этого будетъ.

Онъ. Я отвѣчаю за свой полкъ, я могу заставить своихъ солдатъ присягнуть кому хочу.

Я. Изъ всѣхъ полковыхъ командировъ ты, вѣрно, одинъ можешь это сказать; къ прочимъ, кажется, люди не имѣютъ такой довѣренности.

Онъ. Меня солдаты послушаютъ. Я первый узнаю, если Константинъ откажется. Мнѣ тотчасъ пришлютъ сказать изъ Аничовскаго дворца; я тотчасъ приведу свой полкъ къ присягѣ. Я отвѣчалъ за него, я далъ слово.

Я. Но можешь-ли ты знать, что тебѣ скажутъ истину? Кажется очень желаютъ царствовать, и въ такомъ случаѣ развѣ не могутъ прислать тебѣ сказать, что Константинъ отказался, и обмануть тебя. Ты приведешь полкъ къ присягѣ, а окажется, что Константинъ не отказался; что ты будешь тогда дѣлать? Ты несешь голову на плаху.

Эти слова поразили Шипова; онъ отскочилъ отъ меня, потомъ спросилъ: “Трубецкой! чтожъ дѣлать?” Я продолжалъ: Если даже Константинъ не откажется, то можемъ-ли мы полагать, что

все спокойно кончится? Ненависть солдатъ, дурное мнѣніе, которое вообще всѣ имѣютъ о Николаѣ, развѣ не можетъ возродить сопротивленіе и не отъ однихъ солдатъ?

Онъ. А развѣ есть что? развѣ говорятъ о чемъ?

Я. Я не знаю; но все можетъ быть.

Онъ. Трубецкой! у тебя много знакомыхъ; ты многихъ знаешь въ Совѣтѣ, въ Сенатѣ. Если есть что, если о чемъ поговариваютъ въ Совѣтѣ, то пожалуйста увѣдомляй меня.

Изъ продолженія разговора я видѣлъ, что Шиповъ передался совсѣмъ на сторону в. к. Николая, и не съ тѣмъ требуетъ свѣденій, чтобы дѣйствовать въ нашихъ видахъ. Эта была для насъ большая потеря, потому что Шиповъ былъ всегда членомъ, на котораго полагались, и очень друженъ съ Пестелемъ. Онъ былъ полковой командиръ и не только по словамъ его, но и по слухамъ былъ любимъ въ полку, и хотя, можетъ быть, слишкомъ много приписывалъ себѣ власти на своихъ подчиненныхъ, но безъ сомнѣнія могъ имѣть довольно вліянія на умы ихъ и, слѣдовательно, сдѣлать большой перевѣсъ на ту сторону, которѣю приметъ.

Долго я думалъ о разговорѣ съ Бенкендор-

фомъ. Необычайная милость, объявленная имъ мнѣ отъ императора, приводила меня въ недоумѣніе. “Неужели я такъ ошибся въ его нравѣ, говорилъ я самъ себѣ, полагая его человѣкомъ жестокимъ, не имѣющимъ ни доброты сердечной, ни великодушія, желающимъ власти единственно для удовлетворенія своему властолюбію, а нисколько не для того, чтобъ имѣть возможность устроить благо подданныхъ и владѣть сердцами ихъ посредствомъ кротости и милосердія. Грубо, очень грубо ошибся я въ немъ; даже и тогда грубо ошибся, если милосердіе, которое онъ оказать хочетъ намъ, проистекаетъ болѣе отъ ума, нежели отъ сердца. Что долженъ я заключить для себя изъ сказаннаго Бенкендорфомъ? что меня и всѣхъ задержанныхъ выпустятъ по окончаніи слѣдствія? Всѣхъ возстановятъ въ прежнихъ званіяхъ и достоинствахъ? А я думалъ, что меня запрутъ, и я никогда не вырвусь изъ Алексѣевскаго равелина! Когда меня водили въ комитетъ, или въ баню, я всегда разсматривалъ и изыскивалъ средства уйти, если опредѣлено будетъ мнѣ вѣчное здѣсь заключеніе. Тяжела мысль быть вѣчно обязаннымъ благодарностію человѣку, о которомъ я имѣлъ такое худое мнѣніе. А если онъ будетъ въ разсужденіи меня такъ великоду-

шенъ, каковымъ представилъ его Бенкендорфъ, то я обязанъ буду посвятить ему всѣ остальные дни моей жизни". Эти мысли бродили нѣкоторое время въ головѣ моей и тревожили меня; наконецъ я успокоился, убѣдивъ себя, что дѣло несбыточное, чтобъ все такъ могло кончиться, какъ казалось изъ рѣчей Бенкендорфа.

На 6 недѣль поста, не помню въ какой день, а кажется, въ четвергъ, приходитъ за мной плацъ-адъютантъ въ необычайное время, скоро послѣ обѣда, и приносятъ мой мундиръ. Приглашаетъ меня одѣться съ видомъ какимъ-то пріятнымъ *), какъ-бы для предваренія моего, что выходъ мой не принесетъ мнѣ ничего, кромѣ удовольствія, и ведетъ меня въ домъ коменданта. Вхожу въ комнату и въ объятія мои бросается сестра. Она нѣсколько уже дней имѣла позволеніе видѣть меня, но ледъ на Невѣ препятствовалъ перѣхатъ въ крѣпость; нынѣ это было возможно и она воспользовалась дозволеніемъ, выпрошеннымъ

---

*) За нѣсколько дней до того, этотъ-же плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ кусочикъ просвирки отъ имени моей сестры. Когда я развернулъ ее онъ наклонился и съ большимъ вниманіемъ искалъ долго на полу. Съ удивленіемъ я увидѣлъ, что онъ такъ старательно отыскивалъ булавку, которою была заколота бумажка.

ею лично, когда откланивалась императрицѣ, намѣреваясь отѣхать въ Москву. Сестра рада была меня видѣть, между тѣмъ была грустна, хотя старалась скрывать грусть свою подъ улыбкою. Разговоръ нашъ не могъ быть свободенъ, потому что комендантъ, генералъ Сукинъ во все время сидѣлъ возлѣ насъ за столикомъ на которомъ угощалъ насъ чаемъ. Нѣсколько разъ за нимъ приходили, но онъ отлучиться не хотѣлъ; наконецъ доложили ему, что пріѣхалъ отъ государя генералъ-адъютантъ, кажется Левашовъ, онъ и тогда сказалъ, что ему не время. Пріѣхавшій генералъ пошелъ ходить по крѣпости, потомъ возвратился и опять требовалъ свиданія. Сукинъ велѣлъ его позвать, а самъ дойдя до дверей комнаты и сказавъ ему одно слово, поспѣшилъ на своей деревяшкѣ воротиться къ занимаемому имъ мѣсту.

Сестра только успѣла въ это время спросить меня: замѣшанъ-ли я въ покушеніи на жизнь императора? Я отвѣчалъ, что нѣтъ; но что кажется есть намѣреніе меня замѣшать. Она отерла слезу; но сказать болѣе ничего не могла, потому что комендантъ сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ прежде, нежели я договорилъ отвѣтъ. (Я послѣ узналъ отъ жены моей, что ему велѣно было записать и

представить весь нашъ разговоръ; сестра это знала и потому не смѣла говорить того, что-бы хотѣла). Пришло время разстаться намъ и со стороны сестры не обошлось безъ слезъ; мнѣ также было грустно. Мы не надѣялись больше видѣться; она чрезъ нѣсколько дней уѣхала въ Москву. Я тогда не зналъ, что добрая сестра моя выпросила еще обѣщаніе свиданія женѣ моей со мною. Нѣсколько дней провелъ я довольно покойно въ казематѣ, вспоминая свиданіе съ сестрою. На страстной недѣлѣ въ два разные дня, я имѣлъ еще удовольствіе получить вопросные пункты такого рода, отвѣты на кои должны были служить къ облегченію судьбы тѣхъ лицъ, кого они касались. Такой случай представлялся въ первый разъ, и слѣдовательно былъ для меня очень отраденъ. Въ одномъ вопросѣ спрашивали, почему я просилъ Рылѣева, чтобъ не сообщалъ онъ полковнику Глинкѣ о нашихъ намѣреніяхъ? Въ другомъ, что кн. Оболенской ссылается на меня, что когда въ 1823 году пріѣзжалъ Пестель въ Петербургъ и своими разсужденіями увлекъ его къ признанію необходимости республиканскаго правленія въ Россіи, то я отвратилъ его отъ этихъ мыслей, доказавъ ему, что республику не иначе можно учредить, какъ истребленіемъ им-

ператорскаго дома, чрезъ какое дѣйствіе Общество неминуемо поселило-бы къ себѣ омерзѣніе и привело-бы въ ужасъ весь народъ.

Въ понедѣльникъ на святой недѣдѣ я имѣлъ неожиданное счастіе обнять мою жену. Я не зналъ, что сестрѣ моей было обѣщано позволеніе женѣ свидѣться со мною. Не легко изобразить чувства наши при этомъ свиданіи. Казалось всѣ несчастія были забыты; всѣ лишенія, всѣ страданія, всѣ безпокойства исчезли. Добрый, вѣрный другъ мой — она ожидала съ твердостію всего худшаго для меня, но давно уже рѣшилась, если только я останусь живъ, раздѣлить участь мою со мной, и не показала ни малѣйшей слабости. Она молилась, чтобы Богъ сохранилъ мою жизнь, и далъ мнѣ силы перенести съ твердостію теперешнее и будущее положеніе мое. Наше свиданіе было подобно свиданію моему съ сестрой, въ присутствіи коменданта, который какъ будто-бы для того, чтобы дать намъ болѣе свободы, притворился спящимъ въ своихъ креслахъ. До сихъ поръ я не имѣлъ никакой надежды увидать когда-нибудь жену мою; но это свиданіе заставило меня надѣяться, что мы опять будемъ когда-нибудь вмѣстѣ; и потому можетъ быть часъ разлуки, не такъ показался мнѣ тягостнымъ, какъ должно было

ожидать. Воспоминаніе о проведенныхъ вмѣстѣ часахъ сладостно занимало меня многіе дни. Я благодарилъ Бога отъ глубины души за то, что онъ милостію своею такъ поддержалъ ее и въ чувствахъ внутреннихъ, и въ наружномъ видѣ. Ничего отчаяннаго, убитаго не было ни въ лицѣ, ни въ одеждѣ; во всемъ соблюдено пристойное достоинство. Видъ ея и разговоръ съ нею укрѣпили во мнѣ упованіе въ Бога, и я съ тѣхъ поръ совершенно покорился волѣ провидѣнія, предавшись всѣми моими чувствами съ полною покорностію всему, что ему угодно будетъ мнѣ послать въ будущности. Спокойствіе мое было прервано. 8го Мая призывали меня поутру къ допросу; я нашелъ одного Чернышева и Адлерберга, который по обыкновенію рисовалъ и чертилъ на листѣ предъ нимъ лежащимъ. Чернышевъ съ язвительною, казалось мнѣ, улыбкою объявилъ мнѣ, что отвѣты мои на большой допросъ, посланный мнѣ въ Февралѣ, казавшіеся подробными и удовлетворительными, оказались пустыми (т. е. комитетъ былъ ими недоволенъ потому что они никого не запутывали). Онъ мнѣ сдѣлалъ много вопросовъ по большей части вздорныхъ. Если это было съ показаній нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, то должно быть такихъ, которые не имѣли со мной никакого

знакомства и знали меня только по дальнимъ слухамъ. Такъ оно дѣйствительно и было. Нѣкоторые слухи, которые были обо мнѣ въ Обществѣ Славянъ (вовсе небывшемъ мнѣ извѣстнымъ и о существованіи котораго я не имѣлъ никакого свѣденія), были предложены мнѣ, какъ показанія членовъ, и ни въ чемъ не было не только истины, но и тѣни справедливости. Не смотря на то, отъ меня потребовали письменныхъ отвѣтовъ, которые я и далъ, получивъ на другой день письменные вопросы, изъ которыхъ однакожъ многіе сдѣланные мнѣ словесно были исключены. Напирали однакожъ на намѣреніе цареубійства. Въ этомъ случаѣ я сослался на записку мою, которую въ ночь съ 14 на 15 я видѣлъ въ рукахъ императора и изъ которой ясно было видно какія были мои намѣренія. Въ ней ничего похожаго на такой умыселъ не было; папротивъ опредѣлено вступить въ переговоры съ Николаемъ Павловичемъ и вступленіе на престолъ подвергнуть рѣшенію общаго собранія довѣренныхъ людей всѣхъ сословій государства, собранныхъ призывомъ Сената; слѣдовательно мы не принимали на себя никакой власти.

До сихъ поръ я не имѣлъ ни съ кѣмъ очныхъ ставокъ; наконецъ меня позвали и я увидѣлъ

себя предъ Бригенымъ, котораго полагалъ за границей. Меня спрашивали до того, отъ кого я слышалъ о ненависти къ покойному государю Якубовича, и о намѣреніи его принести жизнь его въ жертву этому чувству, основанному на личномъ мщеніи. Я имѣлъ неосторожность отвѣчать, что отъ полковника Бригена. Меня заставили это при немъ подтвердить, и вѣроятно это было причиною осужденія его на одинъ годъ каторжной работы. Изъ словъ Бригена я увидѣлъ, что ему ставятъ въ вину познаніе этого обстоятельства; но уже нельзя было отречься, потому что не мнѣ одному было извѣстно, что Бригенъ это рассказывалъ. Съ лейтенантомъ Арбузовымъ я былъ счастливѣе. Въ допросѣ о немъ вырвались у меня его слова: “если будутъ въ насъ стрѣлять, то мы пушки отобьемъ.” Наученный примѣромъ бывшаго съ Бригенымъ, я отказался отъ этого показанія, объявилъ, что если я сказалъ это на Арбузова, то это неправда. Арбузовъ говорилъ мнѣ послѣ, что слышалъ мои слова, потому что ожидалъ возлѣ въ комнатѣ очной ставки со мною. Въ день преполовенія меня повели по утру дорогой очень кружной въ нижнюю комнату комендантскаго дома, гдѣ я

Кн. Трубецкой. 5

просидѣлъ до вечера въ ожиданіи, но отпустили, не давъ ни съ кѣмъ очной ставки.

Съ этого дня пошло въ комитетѣ очищеніе очными ставками всѣхъ сомнительныхъ пунктовъ, и я имѣлъ очную ставку съ Рылѣевымъ по многимъ пунктамъ, по которымъ показанія наши были сходны. Между прочими были такіе, въ которыхъ дѣло шло объ общемъ дѣйствіи, и когда я не призналъ рассказъ Рылѣева справедливымъ, то онъ далъ мнѣ почувствовать, что я, выгораживая себя, сваливаю на него. Разумѣется, мой отвѣтъ былъ, что я не только ничего своего не хочу свалить на него; но что я соглашаюсь заранее со всѣмъ тѣмъ, что онъ сказалъ о моемъ дѣйствіи, и что я на свой счетъ ничего не скрылъ и болѣе сказалъ, нежели онъ можетъ сказать. Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе; онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ; вѣроятно, мой видъ сдѣлалъ на него подобное-же впечатлѣніе. Но его видъ такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего-бы не долженъ былъ, а именно. я по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него не слыхалъ, какъ и

теперь въ томъ увѣренъ, и что можетъ быть подвергло строжайшему осужденію эти лица.

По соглашеніи предмета, по которому была у насъ очная ставка, князь А. Н. Голицынъ вступилъ съ Рылѣевымъ и со мной въ частный разговоръ и продолжалъ его нѣкоторое время въ такомъ тонѣ, какъ будто мы были въ гостинной, даже съ пріятнымъ видомъ и улыбкой, такъ что вопреки всѣмъ дотолѣ бывшимъ убѣжденіямъ, пришла мнѣ мысль, что вѣроятно князю Голицыну извѣстно, что дѣло наше не такъ худо кончится; что религіозный человѣкъ, какимъ онъ издавна почитался, не могъ бы такъ весело разговаривать и почти шутить съ людьми, обреченными смерти. Разговоръ князя Голицына касался различныхъ предположеній Рылѣева, Пестеля, моихъ относительно временнаго правленія въ случаѣ еслибъ попытка наша удалась. Онъ разбиралъ различныя эти предположенія, говорилъ о Сперанскомъ, Мордвиновѣ, Ермоловѣ, какъ о лицахъ, которыхъ мы предполагали облечь временною верховною властію. Разсуждалъ о составѣ Пестелевой директоріи; шутилъ, что Пестель, находя что образъ моихъ мыслей не сходенъ съ его, не хотѣлъ имѣть меня членомъ своей директоріи, и отъ того назначилъ мнѣ министерство внутрен-

нихъ дѣлъ, а Сергѣю Шипову министерство военныхъ силъ, и распрашивая насъ по этимъ предметамъ, разсуждалъ о лучшемъ по его мнѣнію составѣ временной верховной власти, о различныхъ мѣрахъ, которыми могла быть установлена конституція, и развивалъ сужденія свои объ этихъ предметахъ. Словомъ онъ меня удивилъ несказанно. Я долго разсуждалъ о неизъяснимомъ для меня поведеніи князя Голицына и старался объяснить его себѣ. Между тѣмъ Рылѣевъ имѣлъ свиданіе съ женой, и послѣ того имѣлъ случай увѣдомить меня о томъ запиской и сообщить мнѣ, что жена его сама лично выпросила у императора свиданіе съ мужемъ и просила ему помилованія; получила соизволеніе на первую просьбу, а на вторую была успокоена словами “никто не будетъ обиженъ!”

Потомъ опять чрезъ нѣсколько дней, Рылѣевъ сообщилъ мнѣ, что многія лица, особенно изъ сенаторовъ, требуютъ нашего осужденія; но что Сперанскій и Кочубей настаиваютъ у императора на милость, къ которой онъ очень склоненъ. Я не очень всѣмъ надеждамъ, которыя казалось Рылѣевъ имѣетъ, довѣрялъ; но стало вкрадываться опять сомнѣніе во мнѣ, что я, можетъ

быть, очень несправедливъ былъ противъ Николая Павловича, полагая его человѣкомъ жестокимъ.

Послѣдній запросъ, который былъ мнѣ принесенъ изъ комитета, былъ слѣдующій: “Въ 1820 году, когда Пестель пріѣзжалъ въ Петербургъ, то многія собранія были у полковника Сергѣя Шипова и полковника Глинки, и на нихъ разсуждали объ образѣ правленія, который предполагается учредить въ Россіи. Всѣ единогласно, исключая полковника Глинки, согласились въ томъ, что правленію слѣдуетъ быть республиканскому, при чемъ Н. Тургеневъ сказалъ: “un président sans phrases”. Меня спрашивали: точно-ли сказалъ это Тургеневъ? мнѣ легко было отвѣчать, что я былъ за границей и не могъ знать происходившаго въ это время. Вѣроятно отвѣты мои, каковы бы ни были, ни въ какомъ случаѣ не измѣнили бы моего приговора. Я всегда былъ увѣренъ, что онъ изречеиъ заранѣе, и кажется въ томъ не ошибся. Слова, сказанныя мнѣ самимъ императоромъ, въ томъ меня убѣждали. Но я думаю, что я не долженъ былъ допустить этой мысли овладѣть столько мною, чтобъ заставить меня съ нѣкоторою безпечностію отвѣчать на несправедливыя обвиненія. Въ послѣднюю половину моего заключенія въ рavelинѣ я совершенно

покорился воли провидѣнія и въ твердомъ упованіи на Бога разсуждалъ, что я себя своею защитою не спасу, и чѣмъ она будетъ слабѣе, тѣмъ милость господня, въ случаѣ моего спасенія, явится яснѣе. Эта мысль почти всегда владѣла мною, когда я долженъ былъ писать отвѣты.

Подъ вліяніемъ ея, я и теперь отвѣчалъ только на сдѣланный мнѣ вопросъ касательно другаго лица и не хотѣлъ опровергать несправедливости, которая была сказана обо мнѣ и которая была уже, какъ было видно изъ смысла бумаги, принята какъ дѣло рѣшенное, но на счетъ котораго отъ меня не требовалось никакого и прежде свѣденія, такъ что я удивился, увидѣвъ, что я признанъ въ томъ виновнымъ. Рылѣевъ, узнавъ, что я получилъ запросъ, прислалъ меня спросить о чемъ дѣло? я его увѣдомилъ, и онъ отвѣчалъ, что оно ему извѣстно. Наконецъ началъ проникать ко мнѣ въ тюрьму слухъ, что дѣло наше не кончится комитетомъ, но что насъ будутъ судить въ сенатѣ. Солдаты между тѣмъ, стерегшіе насъ, увѣряли, что все хорошо для насъ кончится; что въ бывшемъ 14-го Декабря происшествіи самъ императоръ съ главными лицами виноватъ, и ему нельзя насъ наказывать. 5-го Іюня подали мнѣ мой мундиръ и повели въ ко-

мендантской домъ; въ комнатѣ, въ которую ввели меня, я нашелъ новыя лица, сидѣвшія за круглымъ столомъ: по срединѣ графъ Головкинъ, по правую его руку кн. С. Н. Салтыковъ и передъ нимъ лежала толстая связка бумагъ; по лѣвую руку графа сенаторъ Барановъ, и Бенкендорфъ не много отъ всѣхъ поодаль. Барановъ спросилъ меня: “отвѣты, писанные вами въ комитетъ, всѣ-ли писаны собственною вашею рукою?” Князь Салтыковъ молча показалъ на кипу предъ нимъ лежавшую. Я отвѣчалъ, что я свои отвѣты всѣ писалъ самъ своею рукою.

Барановъ. И такъ не угодно-ли вамъ это подписать. Написали записку, которую подалъ мнѣ Бенкендорфъ съ особенною учтивостью, всталъ и принесъ мнѣ стулъ. Я сѣлъ и подписалъ поданную записку, которая заключала сказанный мною отвѣтъ, и меня тотчасъ опустили.*) Послѣ этого дня я оставался въ ожиданіи суда, какъ вдругъ 10го числа пришли за мной рано по утру и повели меня въ комендантской домъ. Я нашелъ

---

*) Нѣкоторыя лица изъ подсудимыхъ объявили, что отвѣты ихъ были вынуждены насильственными мѣрами: голодомъ, закованіемъ въ желѣза, и. т. п. Посланъ былъ къ нимъ священникъ упрощивать, чтобы они взяли назадъ это показаніе, и онъ въ томъ успѣлъ.

его наполненный часовыми, а въ комнатѣ, въ которую меня ввели, Артамона Муравьева и князя Барятинскаго. Я удивился, увидѣвъ себя въ ихъ обществѣ, ибо полагалъ, что ничего не имѣю съ ними общаго. За мной въ слѣдъ вошли два брата Борисовыхъ, которыхъ я ни лицъ, ни именъ, ни участія не зналъ. Удивленіе мое возросло. Муравьевъ, какъ скоро увидѣлъ меня, сказалъ мнѣ: “Какъ я счастливъ, что я съ тобою!”

Я. А я нисколько не радуюсь твоему счастью.

Муравьевъ. Это значитъ, что моя судьба будетъ лучше, нежели я ожидалъ.

Я. А я думаю, что ты жестоко ошибаешься.

Муравьевъ. Нѣтъ, и я тебѣ скажу почему. Государь писалъ къ твоей женѣ, что онъ участь твою облегчить. Я это знаю отъ жены, которая получила, еще будучи въ Ахтыркѣ, письмо отъ гр. Самойловой, которая ей это писала.

Я. Я не вѣрю, чтобы это была правда.

Муравьевъ. Я тебя увѣряю, что это точно было.

Тутъ я спросилъ Муравьева: Кто были тѣ лица, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія; онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Барятинскій сказалъ мнѣ послѣ, что Борисовы; но это мнѣ ничего не разъяснило. Я дивился, что я не вижу ни-

кого изъ тѣхъ, съ которыми ожидалъ быть. Наконецъ пришелъ князь Оболенской, и я увидѣлъ, что комната возлѣ насъ наполнилась разными мундирами. Между тѣмъ въ нашу вошли еще лица мнѣ неизвѣстныя, но ни Рылѣева, ни Пестеля не было.

Вдругъ входитъ священникъ; я къ нему подошелъ, онъ меня отвелъ къ окошку. Я его спросилъ, что это все значитъ? Онъ отвѣчалъ, что будутъ намъ читать приговоръ и что мы осуждены въ работу. Я изъявилъ ему удивленіе, что не вижу Рылѣева, Пестеля и другихъ, кромѣ Оболенскаго; онъ сказалъ: “Не пугайтесь того, что я вамъ скажу. Они будутъ приговорены къ смертной казни и даже ихъ поведутъ; но они будутъ помилованы. Я хотѣлъ васъ предупредить.”

Меня обступили, хотѣли знать, что сказалъ ушедшій священникъ. Между тѣмъ всѣ назначенные въ эту комнату собрались. Это были, кромѣ меня и пятерыхъ вышепоимянованныхъ, еще маіоръ Спиридовъ, Бечасный, Якубовичъ и Вадковскій. Спустя нѣкоторое время насъ повели, и я къ удивленію своему увидѣлъ себя поставленнаго предъ многочисленнымъ собраніемъ важнѣйшихъ государственныхъ чиновъ. Въ боль-

шомъ залѣ комендантскаго дома былъ поставленъ *покоемъ* огромный столъ. За нимъ сидѣли члены совѣта, сенаторы, митрополиты, и разные первыхъ чиновъ люди и принадлежавшіе къ симъ государственнымъ мѣстамъ. Всѣмъ не достало мѣста за столомъ; многіе были сзади въ глубинѣ комнаты. Торжественно прочли каждому изъ насъ, начиная съ меня, сентенцію Верховнаго Уголовнаго Суда (такъ названнаго). Всѣ мы были приговорены имъ къ отсѣченію головъ, которая казнь императоромъ уменьшена и измѣнена въ осужденіе вѣчно на каторжную работу. Мнѣ суждено было переходить отъ удивленія къ удивленію. Я не зналъ, что есть судъ надо мною; теперь узналъ, что онъ уже и осудилъ меня. Я думалъ, что если будутъ судить меня, то или особой комиссіей, или въ сенатѣ; теперь узналъ, что установленъ для этого Верховный Уголовный Судъ изъ синода, совѣта, сената и присоединенныхъ къ нимъ различныхъ особъ. Я думалъ, что меня осудятъ за участіе въ бунтѣ; меня осуждали за цареубійство. Я готовъ былъ спросить: Какого царя я убилъ или хотѣлъ убить?

Насъ увели уже не въ тѣ казематы гдѣ мы прежде сидѣли, но въ кронверскую куртину. Мнѣ достался No. 23, пять шаговъ въ длину и три въ

ширину; во всю длину проходила сквозь окно надъ головою желѣзная труба изъ печи, стоявшей въ глубинѣ каземата, отъ котораго былъ отгороженъ мой номеръ. Скоро услышалъ я вокругъ себя человѣческіе голоса и нѣкоторые знакомые; потомъ изъ за перегородки возлѣ меня вопросы сосѣда, желавшаго знать кто въ его сосѣдствѣ. Я не могу выразить, какое чувство радости овладѣло мною при этомъ слухѣ и отъ того, что я могу наконецъ разговаривать съ подобными себѣ. Я узналъ, что сосѣдъ мой Веденяпинъ, приговоренный на поселеніе въ Сибирь. Мы разговаривали до глубокой ночи. Надобно однакожъ было лечь спать; но я не могъ имѣть отдыха; крупныя блохи заѣли меня и только въ 4мъ часу, отъ сильной усталости, я могъ заснуть не надолго. Насъ разбудили, велѣли одѣваться. Мы услышали шумъ у нашихъ оконъ, звукъ цѣпей, людей проходящихъ; послѣ узнали, что это были пять нашихъ товарищей, осужденныхъ на смерть, которыхъ за ранѣе вывели къ приготовлявшейся для нихъ висѣлицѣ. Сосѣдъ мой предостерегалъ меня, чтобъ я не надѣвалъ орденовъ и не застегивалъ мундирнаго воротника на крючки, потому что онъ узналъ отъ служителя, что ихъ будутъ съ насъ срывать. Я не хотѣлъ послѣдовать его

совѣту. Когда разсвѣло, насъ вывели и поставили посреди солдатъ павловскаго полка, которые окружали со всѣхъ сторонъ. Здѣсь я увидѣлъ многихъ, кого не ожидалъ: Александра Николаевича Муравьева, Лунина, фонъ Визина, Краснокуцкаго, и другихъ. Послѣдній сказалъ мнѣ: “Вѣроятно тебя много спрашивали обо мнѣ, потому что я во всемъ на тебя ссылался.” Ни въ одной бумагѣ, ниже словесно меня объ немъ никто не спрашивалъ, и я полагалъ, что онъ даже не арестованъ. Помина объ немъ не было, равно какъ и о другихъ вышепоимянованныхъ. Когда свели насъ всѣхъ вмѣстѣ, то начали выкликать для раздѣленія по роду службы. Я былъ поставленъ самъ семъ, и мы семеро были приведены предъ знамена лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Послѣ барабаннаго боя намъ прочли вновь сентенцію, и профосъ началъ ломать надъ моею головою шпагу (мнѣ прежде велѣно было стать на колѣни). Во весь опоръ прискакалъ генералъ и кричалъ: что дѣлаете? Съ меня забыли сорвать мундиръ. Подскакавшій былъ Шиповъ. Я обратилъ голову къ нему и видъ мой произвелъ на него дѣйствіе Медузиной головы. Онъ замолчалъ и стремглавъ ускакалъ. Видъ знаменъ того полка, въ которомъ я нѣкогда служилъ, возбудилъ во

мнѣ воспоминанія моей службы въ немъ, Кульма, за которую были даны знамена; я ихъ видѣлъ въ рукахъ людей, не имѣвшихъ на нихъ право, тогда какъ заслужившіе были въ гоненіи и разсѣяны по всей арміи; эта мысль возбудила во мнѣ сильное чувство негодованія. Довольнаго труда стоило профосу сорвать съ меня мундиръ, онъ такъ хорошо былъ застегнутъ; должно было изорвать въ клочки; шпагу также не подпилили и ломая ее довольно больно, ушибли мнѣ голову. Всѣ наши доспѣхи сложены были въ костры и зажжены, а насъ одѣли въ полосатые халаты и отвели обратно въ казематы. Мы замѣтили столбы на валу одного бастіона кронверка. Это была висѣлица, которая еще не имѣла перекладины; и въ нашемъ отдѣленіи казни товарищей мы видѣть не могли, ибо прежде вошли въ крѣпость. Народа было не много. Уже въ своемъ номерѣ я узналъ отъ сосѣда своего, что нашихъ товарищей повѣсили, о чемъ онъ узналъ отъ прислуживавшаго унтеръ-офицера. Я вѣрить не хотѣлъ; но пришедшій священникъ подтвердилъ эту вѣсть. Разсказывалъ о ихъ смерти, которая его тронула до глубины души. Онъ и теперь и послѣ не могъ говорить о нихъ безъ глубокаго умиленія, особенно о Рылѣевѣ, Муравьевѣ и Пес-

телѣ. Послѣдній просилъ его благословенія, хотя и былъ другаго исповѣданія. У двухъ первыхъ оборвались веревки, и Чернышевъ закричалъ, чтобъ скорѣе повторили надъ ними казнь. Священникъ сказалъ мнѣ, что онъ ежеминутно ожидалъ гонца о помилованіи, и къ крайнему своему удивленію тщетно. Мысль о казни товарищей заставила меня забыть свое положеніе; я ни о чемъ иномъ не могъ думать. Принесли мнѣ письмо отъ жены, которая увѣдомляла меня, что она вслѣдъ за мной ѣдетъ въ Сибирь. Тогда я понималъ многое, что мнѣ темно было въ ея письмахъ. Она давно къ тому готовилась, но страшилась, чтобъ я не былъ осужденъ на смерть. Она знала, что многіе требовали моей казни и нѣсколькихъ другихъ за мною слѣдовавшихъ. Говорятъ, что Николай Навловичъ не согласился на нее; можетъ быть онъ хотѣлъ сдержать то, что заставилъ меня именемъ своимъ написать къ женѣ мой “что я буду живъ”.*)

На слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, духовникъ нашъ пришелъ пріобщать насъ всѣхъ святыхъ тайнъ. Въ пятинцу, 12го, я видѣлся съ

---

*) 15 генераловъ, въ числѣ которыхъ были Головинъ и Башуцкій, ѣздили просить государя, чтобы большее число было осуждено на смерть.

женою моею у коменданта. Съ нею пріѣхала моя теща и оба мои братья. Этого свиданія описать нельзя. Жена впилась въ меня, братья бросились въ ноги и обнимали колѣна, и теперь при воспоминаніи ихъ любви, слеза навертывается на глаза. Теща была также очень нѣжна и много плакала. Я возвратился въ свою тюрьму въ большомъ волненіи; часть ночи не спалъ — писалъ письмо, которое хотѣлъ отдать женѣ при первомъ свиданіи, другую часть отъ блохъ. Наконецъ изнеможеніе навело сонъ. По утру вставъ, сталъ разговаривать съ солдатомъ, какъ вдругъ кровь хлынула горломъ и пошла какъ изъ кувшина. Поспѣшно прибѣжалъ лѣкарь; далъ мнѣ всю нужную помощь. Кровь остановилась, волненіе продолжалось; но не столь сильное; слабость овладѣла всѣмъ тѣломъ. Въ понедѣльникъ меня перевели въ No. 3. Невской Куртины; мнѣ жаль было разстаться съ сосѣдомъ и съ голосами знакомыми вокругъ меня; но я былъ слишкомъ слабъ и самъ не могъ принимать участія въ разговорахъ. Въ четвергъ я всталъ съ постели и могъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ довольно большой. Въ пятницу старались укрѣпить мои силы пищею и лѣкарствомъ, которымъ лѣкарь снабдилъ меня и въ запасъ. Вечеромъ ве-

лѣли приготовиться къ отѣзду и уложить присланное платье, бѣлье, и пр., и ночью повели въ домъ къ коменданту. Я здѣсь встрѣтился съ Волконскимъ и Борисовыми, съ которыми долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать. Камердинеръ Сукина провелъ меня въ кабинетъ своего господина, который сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ проститься со мною, отдалъ мнѣ поклонъ отъ Маврина и сказалъ мнѣ, что я найду въ Целѣ жену мою, которая туда уже отправилась, что въ крѣпости онъ не могъ мнѣ дать съ нею другаго свиданія.

Потомъ, вышедъ къ намъ, объявилъ, что императоръ приказалъ отвести насъ въ Сибирь въ каторжную работу закованными. Намъ надѣли кандалы и посадили въ тѣлеги съ жандармами. Въ Целѣ я нашелъ жену мою и брата Александра, княгиню С. Г. Волконскую съ сыномъ. Жена сказала мнѣ, что она завтра же за мной выѣзжаетъ; мы пробыли вмѣстѣ часа два и расстались. Свѣжій воздухъ укрѣпилъ меня, и не взирая на скорую ѣзду и тряску кибитки, я пріѣхалъ въ Иркутскъ совершенно здоровый.

ОТРЫВКИ.

... Съ младенчества моего вкоренена въ сердцѣ моемъ увѣренность, что промыселъ Божій ведетъ человѣка ко благу, какъ-бы путь, которымъ онъ идетъ ни казался тяжелъ и несчастливъ. Эта увѣренность не уменьшилась, но укрѣпилась еще съ тѣхъ поръ, когда обстоятельства моей жизни приняли оборотъ, для всякаго посторонняго зрителя несчастный. Въ теченіи этого времени я имѣлъ случай познать всю благодать Вышняго Промысла и научился благословлять его за все посылаемое счастье и несчастье. Я убѣжденъ, что еслибы я не испыталъ жестокой превратности судьбы и шелъ-бы безъ препятствій блестящимъ путемъ, мнѣ предстоявшимъ, то со временемъ сдѣлался-бы недостойнъ милостей Божіихъ и утратилъ-бы истинное достоинство человѣка. Ны-

нѣ-же я благословляю десницу Божию, проведенную меня по терновому пути, и тѣмъ очистившую сердце мое отъ страстей, имъ обладавшихъ, показавшую мнѣ, въ чемъ заключается истинное достоинство человека и цѣль человеческой жизни, и между тѣмъ наградившее меня и на земномъ поприщѣ ни съ какимъ другимъ несравненнымъ счастьемъ семейной жизни и неотъемлемымъ духовнымъ благомъ — спокойствіемъ совѣсти.

Со времени вступленія дома Романовыхъ на руссійскій престолъ, малая только часть государей наследовала его спокойно по праву своего рожденія; но большая часть переменъ царствованій была слѣдствіемъ насилія или обмана.*) Никото-

*) Къ несчастію общественное устройство въ Россіи еще и до сихъ поръ таково, что военная сила одна, безъ содѣйствія народа, можетъ не только располагать престоломъ, но и измѣнить образъ правленія. Достаточно заговора нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, чтобъ возобновить явленія, подобныя тѣмъ, которыя возвели на престолъ большую часть царствовавшихъ въ прошедшемъ вѣкѣ особъ. Благодаря промыслу, нынѣ просвѣщеніе распространило понятіе, что подобныя дворцовые перевороты не ведутъ ни къ чему доброму; что лицо, сосредоточивающее въ себѣ власть, не сильно устроитъ благоденствіе

рое изъ нихъ однакожъ не было сопровождено такими происшествіями, которыми ознаменовано было начало нынѣшняго царствованія (Николая I). Эти происшествія всѣмъ извѣстны; они происходили въ виду всего государства. Торжественный судъ произнесъ свой приговоръ надъ участвовавшими въ нихъ. При всѣмъ томъ однакожъ многія обстоятельства остались неизвѣстными народу; они или не открыты слѣдственной комиссіей, или скрыты правительствомъ съ намѣреніемъ. *)

народа въ теперешнемъ его быту, но что только усовершенствованный образъ государственнаго устройства можетъ со временемъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія, неразлучныя съ самодержавіемъ. Лицо, имъ облеченное, какой-бы оно ни горѣло горячей любовью къ отечеству, не въ состояніи поселить этого чувства въ людяхъ, которымъ оно по необходимости должно удѣлять часть своей власти. Нынѣшнее государственное устройство не можетъ всегда существовать, и горе если оно измѣнится чрезъ возстаніе народа. Обстоятельства, сопровождавшія возшествіе на престолъ нынѣ царствующаго государя (Николая), были самыя благопріятныя для введенія новаго порядка въ государственномъ устройствѣ безъ опаснаго участія народнаго; но высшіе государственные сановники или не постигли того, или не желали его введенія. Сопротивленіе, котораго по духу, овладѣвшему тогда гвардейскимъ войскомъ, должны были ожидать, не имѣя благодѣтельнаго направленія, должно было разрѣшиться безпорядочнымъ бунтомъ. Тайное Общество взяло на себя обратить его къ лучшей цѣли.

*) Отчетъ, напечатанный правительствомъ по окончаніи

Исторія со временемъ откроетъ всѣ тайныя обстоятельства этого дѣла; но цѣль этихъ записокъ не есть та, чтобъ онѣ могли служить матеріалами для будущаго историка Россіи. Я ихъ оставляю дѣтямъ моимъ для того, чтобъ они знали, почему они родились и выросли въ Сибири и почему они не наслѣдовали тѣхъ правъ состоянія, которыя принадлежали ихъ родителямъ. Видя въ малолѣтствѣ своемъ родителей своихъ въ состояніи, отличномъ отъ прочихъ людей, они не могли давать себѣ отчета въ причинахъ, поставившихъ ихъ въ это состояніе; когда-же придутъ въ возрастъ, то будутъ слышать различныя сужденія о нихъ и будутъ въ недоумѣніи, что самимъ думать. Бывъ свидѣтелями правдивой и благочестивой жизни родителей своихъ, имъ можетъ въ возрастѣ ихъ придти мысль укорить провидѣніе въ несправедливости, т. правительство въ угнетеніи невинности. Молодые ихъ умы не въ состояніи будутъ согласить мысли, внушенной имъ въ воспитаніи, произведеннаго составленнымъ на то тайнымъ комитетомъ, представилъ тогдашнее дѣйствіе Общества, какъ какое-то безразсудное злоумышленіе людей порочныхъ и развратныхъ, сумазбродно желавшихъ только произвести въ отечествѣ смуты и не имѣвшихъ никакой благородной цѣли, кромѣ низпроверженія существовавшихъ властей и водворенія въ отечествѣ безпорядка.

питаніи, что все въ мірѣ случается по благой волѣ Провидѣнія; они могутъ въ умѣ своемъ оспаривать эту благодать, а такой образъ мыслей съ ихъ стороны былъ-бы для насъ верхомъ не счастья и потому необходимо для нихъ прочесть въ сихъ запискахъ, что именно привело ихъ отца въ то положеніе, въ которомъ они видѣли его во время своей юности, и тѣмъ убѣдиться, что истинно-благое и справедливое Провидѣніе предастъ человека той судьбѣ, которую онъ самъ себѣ устроилъ.

Все, что писано до сихъ поръ о дняхъ предшествовавшихъ вступленію на престолъ покойнаго государя Николая Павловича, не имѣтъ для меня и тѣни справедливости. Иностранные писатели прославляли великодушную борьбу двухъ братьевъ (не имѣвшую примѣра въ исторіи), уступавшихъ одинъ другому престолъ обширнѣйшаго въ просвѣщенномъ мірѣ государства. Русскіе по примѣру иностранцевъ рассказываютъ тоже. Отчего произошла такая странность? Иностранцы могли не знать того, что происходило въ нѣдрахъ императорскаго семейства; они видѣли только то, что явно было всѣмъ, т. е. что Константинъ не

принялъ принесенной ему присяги и что вслѣдствіе того Николай вступилъ на престолъ: они видѣли междоцарствіе въ Россійской имперіи, продолжавшееся 16 дней, въ теченіи которыхъ не было сдѣлано меньшимъ братомъ, имѣвшимъ притязаніе на престолъ, никакой видимой попытки для удержанія за собою престолонаслѣдія; они знали, что этотъ братъ, назначенный въ духовномъ завѣщаніи Александра наслѣдникомъ престола послѣ него, принесъ присягу брату старшему, законному наслѣднику по праву первородства, и заключили, что все это онъ сдѣлалъ по доброй волѣ, по великодушію.

Но русскіе почему повторяютъ тоже за иностранцами? Откуда они взяли слова, влагаемые ими въ уста великаго князя Николая и которыми онъ будто-бы отказывался принять престолъ, предложенный ему членами государственнаго совѣта? Бывъ отлученъ отъ круга государственныхъ дѣятелей въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ и проведя все время царствованія императора Николая на противоположномъ краѣ пространнаго Россійскаго государства, на восточныхъ предѣлахъ имперіи — въ дальнемъ сибирскомъ краѣ, я не имѣлъ средствъ разрѣшить этого вопроса. Думалъ, что льстецы и царедворцы сочинили изъ

подобострастія эту лживую страничку, которую вплели въ исторію. Это меня не удивляло; но если чему удивляюсь, то — что нашелъ тоже повтореннымъ въ разсказѣ человѣка, раздѣлившаго со мною заточеніе и испытавшаго на себѣ всю мстительность Николая (Барона Штейнгеля). Простое разсужденіе должно убѣдить, что если бы Николай дѣйствительно не воспользовался обстоятельствами оттого, что признавалъ законными права старшаго своего брата Константина и великодушно обрекалъ себя на честь быть первымъ подданнымъ своего брата, то онъ не поступилъ бы съ такою жестокостію, какую оказалъ, въ отношеніи тѣхъ, которые возставали противъ неправильнаго вступленія его на престолъ — неправильнаго, потому что Константину присягнули по манифесту правительствующаго сената, а Николай не хотѣлъ соблюсти для себя этой правильной формы и издалъ манифестъ отъ собственнаго лица, въ которомъ объявлялъ, что старшій братъ отказался и что потому право остается за нимъ. Не также-ли поступилъ бы онъ, если-бъ хотѣлъ овладѣть престоломъ, не имѣя на то согласія истиннаго наслѣдника. *)

---

*) Въ книгѣ, изданной статсъ-секретаремъ барономъ

Я былъ коротко знакомъ съ д. с. с. Ѳедоромъ Петровичемъ Опочининымъ. Приѣхавъ къ нему

Корфомъ подъ заглавіемъ: "Восшествіе на престолъ императора Николая I", сказано, что великій князь не только что не зналъ намѣренія императора Александра назначить его своимъ наслѣдникомъ, но и не помышлялъ никогда, что престолъ долженъ былъ когда-либо сдѣлаться-его достояніемъ, а потому былъ объятъ страхомъ, когда узналъ, что Константинъ не принялъ данной ему присяги. Такое повѣствованіе должно казаться очень страннымъ всѣмъ тѣмъ, кто зналъ, что Александръ давно уже сдѣлалъ завѣщаніе, которое хранилось въ 3-хъ экземплярахъ: въ Москвѣ въ успенскомъ соборѣ, въ государственномъ совѣтѣ и въ правительствующемъ сенатѣ. Публикѣ петербургской было очень извѣстно, что этимъ завѣщаніемъ Николай назначался наслѣдникомъ престола, и конечно это знала не одна петербургская публика. Какъ-же этого не зналъ великій князь, котораго это всѣхъ болѣе касалось!! Можно одно утвердительно сказать, что это обстоятельство никого не беспокоило; Александръ казался такимъ здоровымъ, обѣщалъ жить еще долго и о пріемникѣ его никто не беспокоился. Далѣе въ той-же книгѣ разсказывается какъ братья уступали другъ другу престолъ, что уже писано было во всѣхъ иностранныхъ сочиненіяхъ, описывавшихъ тогдашнія событія въ Россіи и изъ которыхъ вѣроятно, почерпнулъ свой разсказъ и сочинитель статьи, которой эпиграфомъ служатъ ст. 10, 12 и 13-и 2-го посланія апостола Павла къ Коринѣянамъ (баронъ Штейнгель). Не стану разбирать всѣхъ этихъ повѣствованій; а разскажу просто, что я слышалъ собственными ушами и видѣлъ собственными глазами въ теченіи тревожныхъ дней, когда еще не было извѣстно, какой выходъ будетъ изъ запутаннаго дѣла, завязавшагося смертію Александра.

25го Ноября, послѣ разговора о тревожныхъ вѣстяхъ, привезенныхъ вчерашнимъ курьеромъ, онъ мнѣ сказалъ, что великій князь Николай пригласилъ къ себѣ — предсѣдателя государственнаго совѣта князя Петра Васильевича Лопухина, князя Алексѣя Борисовича Куракина и графа Михайла Андреевича Милорадовича, бывшаго, какъ извѣстно, тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга и по случаю удаленія императора отъ столицы облеченнаго особою властію. Великій князь объявилъ имъ свои права на престолонаслѣдіе, извѣстныя имъ по желанію Александра, чтобъ онъ вступилъ послѣ него на престолъ, и по отрѣченію Константина Павловича, по случаю бракосочетанія его съ польскою дѣвицей Грудзинскою, потомъ княгиней Ловичской. Графъ Милорадовичъ отвѣчалъ на отрѣзъ, что великій князь Николай не можетъ и не долженъ никакъ надѣяться наследовать брату своему Александру, въ случаѣ его смерти; что законы имперіи не дозволяютъ располагать престоломъ по завѣщанію, что притомъ завѣщаніе Александра извѣстно только нѣкоторымъ лицамъ, а неизвѣстно въ народѣ; что отрѣченіе Константина также не явное и осталось не обнародованнымъ; что Александръ, если хотѣлъ, чтобы Ни-

колай наслѣдовалъ послѣ него престолъ, долженъ былъ обнародовать при жизни своей волю свою и согласіе на нее Константина; что ни народъ, ни войско не поймутъ отрѣченія и припишутъ все измѣнѣ — тѣмъ болѣе, что ни государя самаго, ни наслѣдника по первородству нѣтъ въ столицѣ, но оба были въ отсутствіи; что наконецъ гвардія рѣшительно откажется принести Николаю присягу въ такихъ обстоятельствахъ, и неминуемое за тѣмъ послѣдствіе будетъ возмущеніе. Совѣщаніе продолжалось до 2хъ часовъ ночи. Великій князь доказывалъ свои права, но графъ Милорадовичъ признать ихъ не хотѣлъ и отказалъ въ своемъ содѣйствіи. На томъ и разошлись.

Когда было получено извѣстіе о кончинѣ государя, тотчасъ были созваны совѣтъ и сенатъ.

Я пріѣхалъ во дворецъ, когда уже заздравный молебенъ былъ внезапно прекращенъ по случаю пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о смерти государя. Я вошелъ обыкновеннымъ малымъ входомъ, извѣстнымъ подъ именемъ комендантской лѣстницы, и былъ крайне удивленъ, войдя въ первую комнату, которая отдѣляетъ церковь отъ внутренняго караула, найдя въ ней графа Милорадовича, отдающаго приказаніе коменданту

Башуцкому разослать въ тотъ-же часъ плацъ-адъютантовъ по всѣмъ карауламъ съ приказаніемъ привести немедленно караулы къ присягѣ. Это распоряженіе было сдѣлано графомъ до совѣщанія государственнаго совѣта. Я пошелъ въ залу собранія совѣта и здѣсь съ нѣкоторыми другими лицами, адъютантами обоихъ великихъ князей Николая и Михаила, ожидалъ какое постановленіе сдѣлано будетъ совѣтомъ. Приносятъ бархатную подушку, на которой стоитъ маленькой ковчежецъ золотой или позолоченый; узнаемъ, что это несутъ духовное завѣщаніе покойнаго императора. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, по открытіи засѣданія, сказалъ, что покойный государь императоръ оставилъ завѣщаніе съ тѣмъ, чтобъ оно было открыто тотчасъ послѣ его смерти и прочтено прежде приступленія къ новой присягѣ или къ какому-либо дѣйствию. Графъ Милорадовичъ сейчасъ отвѣчалъ на эту рѣчь, сказавъ, что въ отношеніи престолонаслѣдія государь, по существующимъ въ Россіи законамъ, не можетъ располагать по духовному завѣщанію; что изъ уваженія къ лицу покойнаго можно прочесть духовное его завѣщаніе, но исполненія по оному не можетъ быть. Затѣмъ приказано было принести завѣщаніе, и когда оно было прочтено,

то адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ всталъ и сказалъ: “теперь пойдѣмте присягать императору Константину Павловичу.” Всѣ встали и пошли сначала въ покои великаго князя Николая для объявленія ему рѣшенія, принятаго совѣтомъ. Мы поспѣшили въ комнаты, чрезъ которыя должно было проходить великому князю, и я видѣлъ его, какъ онъ блѣдный, шатающійся на ногахъ, проходилъ въ покои матери своей императрицы Маріи Ѳеодоровны, откуда уже прошли прямо въ большую церковь. Мы въ свою очередь отправились туда-же. Въ комнатѣ, гдѣ стоитъ обыкновенно внутренній караулъ, бывшій въ тотъ день отъ перваго взвода его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, стоялъ нагой съ крестомъ и евангеліемъ. Солдаты спросили, что это значитъ? “Присяга”, отвѣчали имъ. Они всѣ въ одинъ голосъ: “Какая присяга?” — Новому государю. “У насъ есть государь!” — Скончился. “Мы не слышали, чтобъ онъ и боленъ былъ.” Пришелъ комендантъ Башуцкой и сталъ имъ рассказывать, что извѣстно уже было о болѣзни и смерти государя. Тогда головной вышелъ впередъ и началъ тѣже возраженія, прибавивъ, что они не могутъ присягать новому государю, когда у нихъ есть давно-царствующій

а вѣрить его смерти не могутъ, не слыхавъ даже о его болѣзни. Дежурный генералъ главнаго штаба его величества Потаповъ пришелъ на помощь коменданта, подтвердилъ его рассказъ и началъ уговаривать людей принять требуемую присягу. Солдаты настаивали упорно въ своемъ отказѣ. Между тѣмъ великій князь Николай Павловичъ и члены государственнаго совѣта успѣли уже присягнуть въ церквѣ, и Николай вышелъ къ упорствовавшему караулу, подтвердилъ слова генераловъ и объявилъ, что онъ самъ уже только что присягнулъ новому государю Константину Павловичу. Волненіе утихло и солдаты присягнули.

Просмотрѣвъ всѣ эти происшествія въ зимнемъ дворцѣ, я поѣхалъ въ сенатъ, чтобъ узнать, что тамъ дѣлается. Сенаторы уже разѣхались; я нашелъ только двухъ оберъ-прокуроровъ, Александра Васильевича Кочубея и Семена Григорьевича Краснокутскаго. Они съ негодованіемъ рассказали мнѣ, что сенаторы присягнули по одному словесному приказанію, преданному отъ министра юстиціи; а на вопросъ мой о конвертѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ Александра — отвѣтили, что министръ велѣлъ его прислать къ себѣ.

Изъ этого разсказа явно оказывается, что судьбами отечества располагалъ одинъ графъ Милорадовичъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, когда стало извѣстно, что Константинъ не принимаетъ данной ему присяги, и между тѣмъ отказывается и ѣхать самъ въ Петербургъ и издать отъ себя манифестъ о своемъ отреченіи, графъ проходя въ своихъ комнатахъ, остановился предъ портретомъ Константина, и обратившись къ сопровождавшему его полковнику Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, сказалъ съ горестію: “я надѣялся на него, а онъ губить Россію!”*) Явно кажется, что великій князь Николай не оказалъ никакого великодушія и вовсе не помышлялъ оставить престолъ своему старшему брату, но все, чтó было въ его средствахъ употреблялъ для достиженія власти.

Въ тотъ самый день, когда была принесена присяга новому императору Константину Павло-

---

*) Изъ этого обстоятельства должно заключить, что графу неизвѣстнымъ осталось торжественное объявленіе Константина Павловича соотчичамъ, напечатанное въ книгѣ о восшествіи на престолъ Николая I, въ приложеніяхъ подъ No. 3. Если-бъ это объявленіе не было скрыто, а объявлено всенародно, то не было-бы никакого повода къ сопротивленію въ принесеніи присяги Николаю и не было бы возмущенія въ столицѣ.

вичу т. е. 27 Ноября, великій князь Николай послалъ просить къ себѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ѳедора Петровича Опочинина. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда адъютантомъ Константина Павловича, потомъ перешелъ въ гражданскую службу, которую по непріятностямъ оставилъ, и проживалъ въ С.-Петербургѣ довольно уединенно въ кругу небольшого числа хорошихъ своихъ знакомыхъ. Онъ постоянно сохранилъ благосклонное къ себѣ расположеніе Константина Павловича и даже дружбу его; жилъ въ городѣ въ мраморномъ дворцѣ принадлежавшемъ цесаревичу, а лѣтомъ въ его-же стрѣлинскомъ дворцѣ. Не было въ Петербургѣ человѣка, который былъ бы ближе его къ Константину Павловичу. Его и избралъ великій князь Николай посредникомъ между собою и братомъ и ему поручилъ ходатайство объ уступкѣ ему престола, напомнивъ Константину, что онъ самъ добровольно, безъ всякаго принужденія, отрекся отъ наслѣдства. Въ ночь на 30ое Опочининъ уѣхалъ, но встрѣтивъ дорогою ѣхавшаго изъ Варшавы великаго князя Михаила Павловича, возвратился съ нимъ обратно въ столицу. Опочининъ разсказалъ мнѣ, что Константинъ, получивъ извѣстіе изъ Таганрога о смерти Александра, заперся на цѣлый день въ

комнатѣ и никого не принималъ, никакого приказанія не отдавалъ и ничего о кончинѣ государя не объявлялъ. Опочининъ былъ снова отправленъ съ прибавленіемъ просьбы, чтобы Константинъ прислалъ формальное и торжественное отреченіе, по которому Николай могъ-бы беспрепятственно вступить на престолъ. Графъ Мило-радовичъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобъ это было исполнено, еслибъ не захотѣлъ Константинъ самъ пріѣхать въ Петербургъ и лично передать престолъ брату. Опочининъ поѣхалъ съ намѣреніемъ употребить все средства, чтобъ уговорить Константина пріѣхать въ столицу имперіи, и даже имѣлъ надежду, что слова его подѣйствуютъ достаточно, чтобъ заставить Константина принять царство. Онъ вспоминалъ, что когда Константинъ писалъ письмо къ Александру, по настоянію его величества въ 1822 году, то онъ сказалъ Ѳеодору Петровичу, что имѣетъ полную увѣренность, что не переживетъ своего брата. Жена же Опочинина Дарья Михайловна, дочь фельдмаршала князя М. Н. Смоленскаго-Кутузова, не раздѣляла надеждъ своего мужа и говорила мнѣ, что она увѣрена, что Константинъ не приметъ престола, что онъ всегда говорилъ “меня задушатъ, какъ задушили отца!” Опочининъ уѣзжая зпалъ

непріязненное расположеніе войска и народа къ великимъ князьямъ и какъ охотно всѣ принесли присягу Константину, говоря, что ему служить можно, а братьямъ его нельзя; и потому понималъ необходимость торжественнаго отреченія Константина, и считалъ надежнѣйшимъ, чтобъ онъ сдѣлалъ это не однимъ печатнымъ манифестомъ, но лично изрекши свое отреченіе предъ войскомъ лейбъ-гвардіи и народомъ въ столицѣ. Здѣсь оканчиваются мои свѣденія о теченіи переговоровъ Николая съ Константиномъ, исключая того, что въ отвѣтъ на всѣ свои домогательства Николай получилъ отъ Константина собственноручную записку, въ которой онъ въ самыхъ неприличныхъ и даже неблагопристойныхъ выраженіяхъ писалъ, что онъ знать ничего не хочетъ, что дѣлается въ Петербургѣ, и чтобы дѣлали что хотятъ и какъ хотятъ. Такъ мнѣ было рассказано, и это подтверждается рассказомъ барона Корфа, когда онъ говоритъ, что послѣднее письмо Константина было написано въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было его обнародовать, хотя послѣ и прилагаетъ въ прибавленіяхъ какое-то письмо, въ которомъ ничего подобнаго не оказывается. Вслѣдствіе этого публика справедливо обвиняла Константина въ неуваженіи къ себѣ и къ народу, и въ от-

Кн. Трубецкой.

существомъ малѣйшаго чувства любви къ отечеству: а публика была обманута сокрытіемъ воззванія, которымъ онъ объяснялъ причины, побуждающія его не принимать присяги, и приглашалъ народъ присягнуть Николаю. Это воззваніе осталось-бы неизвѣстнымъ, еслибъ не было припечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ, изданной бар. Корфомъ.

Россія стояла на высочайшей степени славы; послѣдняя война породнила ее съ Европой. Успѣхи образованія въ этой части свѣта имѣли болѣе нежели отголосокъ въ Россіи. Тѣсная связь, соединившая всѣ европейскія государства и укрѣпленная священнымъ союзомъ, заключеннымъ сильнѣйшими государствами, обѣщавшими всѣмъ народамъ усовершенствованіе государственныхъ постановленій сообразно степени того просвѣщенія, которое въ послѣдніе годы развилось въ Европѣ; признаніе ими представительнаго правленія за необходимость вѣка, введеніе его во Франціи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи и въ Царствѣ Польскомъ, доказывавшее, что оно не есть принадлежность одной Англіи — все это заставляло полагать, что и обширная Россійская Имперія не

всегда будетъ управляема на существовавшихъ тогда началахъ. И императоръ Александръ не разъ выражалъ убѣжденіе свое въ превосходствѣ представительнаго правленія надъ самодержавнымъ; онъ по произволенію своему ввелъ его въ Царствѣ Польскомъ, обѣщавъ распространить и на польскія губерніи, прежде къ имперіи присоединенныя. Еще ранѣе оставивъ Финляндіи прежній образъ ея правленія, ввелъ его въ Выборгской губерніи; наконецъ далъ свободу крестьянамъ губерній: Выборгской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Россіяне имѣли право надѣяться, что не однимъ завоеваннымъ ими народамъ суждено пользоваться правами свободы, недоступной для однихъ русскихъ. Государь въ рѣчи своей сейму Царства Польскаго не упомянулъ о Россіи, вѣроятно полагая ее еще не созрѣвшею къ принятію представительнаго правленія; слѣдовательно требовалось приготовить къ тому и собственно русскихъ, сдѣлать ихъ способными къ принятію его и къ понятію истины, что всѣ граждане, какого-бы сословія они ни были, имѣютъ равное право на одинаковое покровительство законовъ, что законъ долженъ быть не изъясвленіемъ оли одного или даже и многихъ лицъ, но выраженіемъ потребности, для сохраненія обществен-

наго порядка въ лучшемъ его видѣ. Тридцать лѣтъ протекло отъ начала французской революціи. Ужасы ея, причины ихъ, послѣдствія, деспотизмъ Наполеона, требованія народовъ были предметомъ вниманія мыслящихъ людей. Подобныя событія, при сходныхъ обстоятельствахъ, могли повториться во всякой другой странѣ. Язва крѣпостнаго состоянія крестьянъ располагаетъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ въ случаѣ внутреннихъ безпокойствъ (какъ былъ примѣръ тому во времена Пугачева), нежели всякое другое европейское государство. Развитіе промышленной образованности, не соединенное съ развитіемъ нравственнаго въ той-же степени просвѣщенія, могло заставить крѣпостныхъ съ нетерпѣніемъ сносить свое состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи о желаніи государя дать свободу крестьянамъ должны были представить помѣщиковъ, какъ единственное препятствіе къ полученію ея. Поставить Россію на ту степень просвѣщенія, на которую она имѣла право по политическому своему положенію въ европейскомъ мірѣ, и охранить ее отъ бѣдствій, могущихъ ее постигнуть при крутомъ переворотѣ, котораго никакое правительство ни предвидѣть, ни остановить не въ состояніи, и который можетъ быть послѣдствіемъ одного только несовершенства

финансовой системы въ то время, когда потребности государства увеличились — вотъ цѣль, которая представлялась Обществу, и къ ней должны были стремиться его усилія. Россія представляла обширное государство, составленное изъ частей разнородныхъ. Разныя части, разныя поколѣнія ее населяющія, имѣли различныя права, различныя законы, различную вѣру. Состояніе высшаго класса, т. е. дворянства почти во всѣхъ частяхъ одинаковое, но состояніе низшаго простаго народа весьма различное. Въ Финляндіи свобода, въ народахъ магометанской вѣры и идолопоклоническихъ также; въ прибалтійскихъ губерніяхъ только что она возникала; въ Царствѣ Польскомъ существовала въ законѣ, но не въ самомъ дѣлѣ. Одни только христіане, и то большею частію православные, подчинены необузданной волѣ помѣщиковъ. Крестьяне казенные велико-россійскіе и украинскіе, такъ называемые казаки, одни изъ русскихъ не несутъ помѣщичьяго ига, но и не пользуются правами свободныхъ состояній. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ также весьма неровное: одни оброчные, другіе пахатные, третьи фабричные, четвертые и то, и другое и третье вмѣстѣ. Никакая мѣра, никакой законъ не опредѣляютъ повинности. По-

мѣщикъ полагаетъ ее по произволѣ, изъ оброчныхъ сажаетъ на пашню, если ему разсудится, или отрывая отъ земли, заводитъ фабрику. Несчастные жители арендныхъ имѣній и даже многихъ помѣщичихъ въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и польской Украинѣ живутъ почти круглой годъ мѣсячною дачею, не имѣя ничего собственнаго; пьянство одна отрада ихъ и отъ него лучшій доходъ помѣщика. Государственные доходы — основанные на безнравственности народа; правосудіе — продажное; взятки — должный доходъ чиновника! Вотъ зло, съ которымъ должно было вступить въ борьбу, и чрезъ его только истребленіе можно было надѣяться водворить въ отечествѣ благосостояніе. Этотъ подвигъ Общество поставило себѣ обязанностію, и уставъ долженствовалъ быть составленъ такъ, чтобъ велъ къ выполненію его. Достигло-ли того Общество сочиненіемъ его, есть вопросъ, котораго я рѣшить не берусь; но думаю, что если вполнѣ не достигло, то по крайней мѣрѣ не удалилось отъ предмета своей цѣли. Вас. Андр. Жуковской, которому онъ былъ въ послѣдствіи предложенъ для чтенія, возвращая его, сказалъ, что уставъ заключаетъ въ себѣ мысль такую благодѣтельную и такую высокую, для выполненія которой требуется много

добродѣтели, и что онъ счастливымъ-бы себя почелъ, еслибъ могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія; но что къ несчастію онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы.

Въ это время неожиданное извѣстіе поразило столицу: императоръ Александръ Павловичъ былъ опасно боленъ. Чрезъ два дня пришла вѣсть о его кончинѣ. Кто былъ тогда въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, какое уныніе овладѣло всеми жителями. Чувство это объясняется и отношеніями, которыя существуютъ между русскимъ государемъ и его подданными и самымъ поведеніемъ Александра въ теченіи 25-лѣтняго его царствованія, исполненнаго важнѣйшими событіями, какія когда-либо представлялись въ исторіи міра. Въ самодержавномъ правленіи — такомъ, какъ въ Россіи, личные качества государя имѣютъ самое сильное вліяніе на судьбу народа. Русской царь не силенъ доставить благоденствіе своимъ подданнымъ, но каждая ошибка его, всякой недосмотръ съ его стороны можетъ быть причиною великихъ народныхъ бѣдствій. Правда, царство-

ваніе Александра не обошлось безъ нихъ; Россія много при немъ вытерпѣла, но его въ томъ никто не винилъ. Виновникомъ всѣхъ своихъ бѣдствій Россія признавала Наполеона и попытки противиться ему, остававшіяся долгое время безуспѣшными, вмѣнялись Александру въ достоинство. Отъ того когда борьба съ этимъ величайшимъ геніемъ своего времени кончилась къ славѣ русскаго народа, блескъ ея не преставалъ озарять царя до конца его жизни. Великодушіе Александра въ побѣдѣ, кротость къ побѣжденнымъ, отсутствіе тщеславія не изгладились изъ памяти людей. Хотя довѣренность къ нему народовъ и была поколеблена, и въ Европѣ укоряли его въ неисполненіи тѣхъ обѣщаній, которыя были даны народамъ въ 1813 году и потомъ повторены торжественно всѣми государями на вѣнскомъ конгрессѣ; но все еще къ нему обращались общіе взоры, какъ къ лучшему, просвѣщеннѣйшему и могущественнѣйшему изъ царствовавшихъ тогдашнихъ владѣтелей Европы. Хотя въ собственномъ отечествѣ своемъ онъ также не оправдалъ ожиданій, по утвержденіи общаго мира въ 1815 году, можетъ быть отъ того, что надежды были слишкомъ велики; но онѣ были основаны на мнѣніи о его добродѣтеляхъ и могуществѣ. И потому

не удивительно, что онъ подвергся обвиненію, что, удовлетворяясь пріобрѣтенною славою, не довольно радѣетъ о благѣ общественномъ и слишкомъ привязанъ къ мысли о своемъ самодержавіи. Какъ-бы то ни было, но къ владычеству Александра привыкли; при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ почитался несравненно лучшимъ всѣхъ своихъ братьевъ, и смерть его казалась истиннымъ несчастіемъ. Мракъ неизвѣстности покрывалъ будущность Россіи...

Предположеніе, что обнародовавъ завѣщаніе Александра, можно было всѣхъ заставить присягнуть 27 Ноября назначенному имъ наслѣднику Николаю, не полагаю правильнымъ. Увѣренъ, что въ бѣльшей части Россіи чиновники, дворяне и другія сословія присягнули-бы назначенному наслѣднику, получивъ о томъ указъ сената; но это они сдѣлали-бы по привычкѣ исполнять все, что предписано: ихъ можно было-бы погнать къ присягѣ, какъ загоняютъ барановъ въ хлѣвъ. Но не такъ-бы легко было заставить присягнуть армію, а гвардію, считаю, вовсе было-бы не возможно къ тому принудить. Кто служилъ въ

полкахъ, тотъ знаетъ, что русской солдатъ судить о всякомъ приказаніи, которое даетъ ему начальникъ. Онъ повинуется безпрекословно всему тому, что воинской уставъ отъ него требуетъ; но когда требованіе выходитъ изъ предѣла военныхъ узаконеній, то сейчасъ встрѣчается сопротивленіе. Обольстить русскаго солдата нельзя никакими обѣщаніями; онъ, подобно народу, не имѣетъ никакой вѣры въ правительство, а терять ему нечего. Офицеры при всей своей необразованности знаютъ, что войско составляетъ силу правительства, и не имѣютъ наклонности къ безусловному повиновенію.

Первое сопротивленіе и самое опасное оказалось бы въ гвардіи. Еслибъ гвардія состояла изъ какого-нибудь меньшаго числа полковъ, то можетъ быть, можно бы было отклонить ихъ отъ вѣрности своему долгу какими-нибудь существенными выгодами, на пр. дать солдатамъ большое жалованье, сократить срокъ службы, обезпечить достаточную пенсію по отставкѣ, облегчить самую службу; но въ томъ составѣ, въ которомъ находилась гвардія, невозможно было и подумать сдѣлать подобныя обѣщанія; никто не повѣрилъ-бы, что они могутъ быть выполнены. Корпусъ офицеровъ также слишкомъ многочисленъ, чтобъ

можно было его купить какими приманками. Изъ класса командующихъ полками и генераловъ конечно можно было, можетъ быть — и многихъ заставить забыть обязанности свои предъ отечествомъ; но они были-бы безсильны противъ корпуса офицеровъ и солдатъ. Александра если-бы и не любили гвардейцы, то привыкли въ теченіи 25-лѣтняго царствованія ему повиноваться, и много было еще въ гвардіи солдатъ, служившихъ во время войны съ французами и видѣвшихъ царя, раздѣлявшаго съ ними военныя опасности, и я вѣрю, что воля его изустно имъ самимъ произнесенная, была-бы для нихъ священной; но объявленіе, по смерти его, духовнаго его завѣщанія непременно-бы было сочтено подлогомъ. — Константинъ также былъ слишкомъ извѣстенъ гвардіи, чтобъ можно было его обойти. Онъ въ умѣ cadaго былъ законнымъ наследникомъ въ случаѣ кончины своего брата. Какая власть въ государствѣ осмѣлилась-бы отлучить его отъ престола, который ему приходился по праву наследства, чтимаго всѣмъ народомъ! Высшая правительственная власть — сенатъ? онъ передаетъ высочайшіе указы для исполненія, онъ обнародываетъ новые законы, онъ важенъ во мнѣніи гражданскихъ чиновъ и неслужащихъ сословій; но

войско знаетъ его только по имени; онъ для войска ровно ничего и не имѣетъ къ нему никакого отношенія. Армія знала только высочайшіе приказы, объявляемые начальникомъ штаба его имп. вел. — Сенатъ не могъ-бы указомъ своимъ извратить право престолонаслѣдія.

Чего-бы не могло сдѣлать первое правительственное мѣсто въ государствѣ, то еще менѣе могъ сдѣлать вел. князь, который по закону не имѣлъ никакого права наслѣдовать при жизни старшаго брата. Такое притязаніе имѣло-бы видъ похищенія. По всѣмъ этимъ причинамъ почитаю предположеніе возможности заставить 27 Ноября присягнуть Николаю несбыточною мечтою.

Князь Трубецкой былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 4го пѣхотнаго корпуса, котораго квартира находилась въ Кіевѣ.

Можетъ быть, удалившись изъ столицы, Трубецкой сдѣлалъ ошибку; онъ оставилъ управленіе Общества членамъ, которые имѣли менѣе опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностію и которыхъ дѣйствіе не могло производиться въ томъ кругу, въ которомъ могъ

дѣйствовать Трубецкой. Сверхъ того тѣсная связь съ нѣкоторыми изъ членовъ отсутствіемъ его прервалась. Но опасенія, которыя поселялъ Югъ, были такого рода, что признавалось необходимымъ отдѣлить туда такого члена, который, имѣя достаточный вѣсъ въ обществѣ, имѣлъ и силу привести южное отдѣленіе къ тѣмъ благотѣльнымъ началамъ, на которыхъ основанъ былъ союзъ и по которымъ продолжали дѣйствовать на сѣверѣ.

Въ концѣ 25 года Трубецкой случайно былъ въ Петербургѣ. Когда узнали о смерти государя и сомнительно стало, чтобъ Константинъ принялъ царское достоинство, тогда произошло сильное волненіе во всѣхъ сословіяхъ населенія столицы. Придворные желали Николая, говоря, что съ нимъ не будетъ никакихъ измѣненій при дворѣ, что всѣ останутся при своихъ мѣстахъ, и новое царствованіе будетъ только какъ-бы продолженіемъ прежняго; что императрица будетъ дочь королевская, а не простая полька; особенно дамъ возмущала послѣдняя мысль, и онѣ сильно изъявляли негодованіе свое при мысли о возможности видѣть на престолѣ женщину, которая по роду своему уступала многимъ изъ нихъ знатностію. Люди государственные болѣе склоня-

лись въ Константину; ихъ не пугала уже сумасбродная пылкость характера, оказанная имъ въ молодости. Лѣта и опытность его ручались за успокоеніе страстей молодости и за разсудительность въ правленіи. Многіе считали, что онъ положить конецъ самовластному управленію министровъ по ввѣреннымъ имъ вѣдомствамъ и образуетъ министерства по порядку коллегіальному, къ котороту тогда многіе были склонны. Военные рѣшительно были всѣ за Константина — какъ офицеры, такъ и простые солдаты. Послѣдніе говорили, что Константину служить можно, а молодымъ князьямъ нельзя; такъ уже они отпротивѣли всѣмъ военнымъ въ продолженіи командованія своего гвардейскими дивизіями. Въ народѣ ходило сверхъ того мнѣніе, что царемъ долженъ быть по праву Михаилъ, такъ какъ онъ родился уже тогда, когда отецъ его былъ императоромъ. Всѣ, кто былъ тогда въ Петербургѣ помнятъ волненіе, которое овладѣло умами всѣхъ жителей. Члены Общества чувствовали себя слабыми, но обстоятельства казались имъ столь благопріятными для попытки ограничить самодержавную власть, что они рѣшились соединить свои дѣйствія такъ, чтобъ обратить на исполненіе этой цѣли то сопротивление, которое предвидѣлось въ военныхъ

людяхъ въ случаѣ, еслибъ потребована была новая присяга. Всѣ предвидѣли, что такое обстоятельство не пройдетъ спокойно, и сопротивленіе со стороны войска ожидалось всѣми, даже ихъ начальниками. Общество справедливо, кажется, полагало, что благопріятнѣйшаго случая представиться не могло; а хотя въ предусмотрительность его всегда входило, что оно должно воспользоваться временемъ, когда одно царствованіе будетъ смѣнять другое, но это время казалось всѣмъ еще далеко впереди, и нечаянное никѣмъ извѣстіе о смерти Александра смутило его и застало въ расплохъ. Оно могло дѣйствовать одними наличными своими силами, случившимися тогда въ столицѣ. Ихъ было немного, но ряды ихъ наполнялись тѣми изъ офицеровъ, которыхъ пугалъ крутой нравъ Николая. Собирались у Рылѣева и у другихъ сообщниковъ, и Рылѣевъ пришелъ объявить Трубецкому, что его избрали диктаторомъ. Трубецкой, найдя въ Петербургѣ очень немного изъ членовъ ему знакомыхъ, хотѣлъ прежде узнать, кто поступилъ въ члены со времени его отсутствія и какими средствами можетъ Общество располагать. Для этого собирались по вечерамъ у Рылѣева, и оказалось, что прибавилось только изъ молодежи, имѣвшей мало вѣса; а тѣ изъ стар-

шихъ членовъ, которые могли имѣть вліяніе на части войскъ, имъ подчиненныя, отказались дѣйствовать. Такимъ образомъ единственное средство дѣйствовать было воспользоваться упорствомъ солдатъ, если, какъ утверждали офицеры разныхъ полковъ, они его окажутъ. Въ случаѣ-же пріѣзда Константина, старшіе члены положили между собою просить его о принятіи короны, и потомъ стараться пріобрѣсть его довѣренность и воспользоваться ею для ограниченія власти будущаго его наслѣдника. Скоро однако убѣдились, что пріѣздъ Константина сомнителенъ, и должно было подумать о томъ, какъ дѣло привести въ исполненіе другимъ образомъ. Трубецкой предложилъ, чтобъ первый полкъ, который откажется отъ присяги, былъ выведенъ изъ казармъ и шелъ съ барабаннымъ боемъ къ казармамъ ближняго полка, поднявши который — оба вмѣстѣ продолжаютъ шествіе далѣе къ другимъ сосѣднимъ полкамъ. Такимъ образомъ онъ надѣялся, что одинъ полкъ будетъ увлеченъ другимъ, и почти всѣ соберутся въ одну значительную массу, къ которой примкнутъ и боталліоны, находившіеся внѣ города; чтобъ лейбъ-гренадерской полкъ завладѣлъ арсеналомъ, а лейбъ-гвардейскій финляндскій Петропавловской крѣпостью. Нѣкоторымъ лицамъ было

обѣщаю содѣйствіе въ государственномъ совѣтѣ, если войско, собравшись, будетъ выведено изъ города во избѣжаніе безпорядковъ. Предложеніе Трубецкаго не опровергали, но многіе изъ горячихъ членовъ положили, что надобно идти на сенатскую площадь съ тѣмъ, чтобы захватить сенаторовъ въ сенатѣ и заставить ихъ издать манифестъ. Надъ войскомъ, которое соберется на площади долженъ былъ принять начальство полковникъ Булатовъ, бывшій командиромъ баталіоннымъ въ лейбъ-гренадерскомъ полку и только что назначенный командиромъ армейскаго. Рыльевъ, можетъ быть, думалъ, что Трубецкой обидится выборомъ; когда онъ пришелъ ему это объявить, то прибавилъ. “васъ гвардія не знаетъ, а Булатова знаютъ солдаты всѣхъ полковъ, и онъ очень любимъ!”

Солдаты гвардейскихъ полковъ, какъ уже сказано, не ожидали никакой перемѣны въ престолонаслѣдіи; они съ увѣренностію ожидали пріѣзда императора, которому присягнули. Подсылаемые въ полки люди съ распущеніемъ слуха о возможности отреченія Константина были сол-

Кн. Трубецкой. 8

датами худо приняты. Развѣдываніе, произведенное офицерами, принадлежащими къ Обществу или содѣйствовавшимъ ему, убѣдили ихъ, что солдаты не будутъ согласны дать новую присягу и что только изустное объявленіе Константина, что онъ передаетъ брату престолъ, можетъ увѣрить ихъ въ истинѣ отреченія его. Полки, изъ которыхъ имѣли извѣстія, были: измайловской, егерской, лейбъ-гренадерской, финляндской, московской, морской экипажъ и частію артиллерія; сверхъ того преображенской очень былъ не расположенъ къ Николаю Павловичу. Планъ дѣйствія былъ основанъ на упорствѣ солдатъ остаться вѣрными императору, которому присягнули, въ чемъ общество и не ошиблось, и составленъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро собраны будутъ полки для новой присяги и солдаты окажутъ упорство и не захотятъ или будутъ колебаться дать ее, то офицеры будутъ стараться вывести ихъ съ дворовъ, на которыхъ они будутъ собраны, и первый полкъ съ барабаннымъ боемъ долженъ идти къ другому, который къ нему пристанетъ. Такимъ образомъ надѣялись имѣть не только тѣ полки, на которые считали, но увлечь и другіе; лейбъ-гренадерскій долженъ былъ прямо идти къ арсеналу и занять его. Собраннымъ

полкамъ собраться на Петровской площади и заставить сенатъ: 1) издать манифестъ, въ которомъ прописаны будутъ чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, и для рѣшенія которыхъ приглашаются въ назначенный срокъ выбранные люди отъ всѣхъ сословій для утвержденія: за кѣмъ остаться престолу и на какихъ основаніяхъ; 2) учредить временное правленіе, пока не будетъ утвержденъ новый императоръ общимъ соборомъ выбранныхъ людей. Общество намѣревалось предложить въ временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, срокъ службы военной для рядовыхъ уменьшить до 15 лѣтъ. Временное правленіе должно составить проектъ государственнаго уложенія, въ которомъ главные пункты должны быть: учрежденіе представительнаго правленія по образцу просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По обнародованію сенатомъ манифеста, войско должно было выступить изъ города, и притянувъ къ себѣ 2-ые баталліоны, расположиться въ окрестностяхъ. Это было условіе, на которомъ обѣщано чрезъ Батенкова содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, ко-

торые требовали, чтобъ имена ихъ остались неизвѣстными.

Сколь человѣкъ ни бываетъ привязанъ къ жизни, но онъ готовъ рисковать ею за всякую бездѣлицу. Вездѣ, гдѣ какая нибудь страсть овладѣетъ разсудкомъ, человѣкъ жертвуетъ ею, хотя въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ очень дорожить бытіемъ своимъ. Но во всѣхъ почти случаяхъ, когда разумъ не омраченъ, то за такую жертву онъ ожидаетъ какого-нибудь вознагражденія, и сверхъ того есть какая-нибудь надежда на счастливый случай. Когда же идетъ дѣло на то, чтобъ хладнокровно предаться опасности утратить жизнь и сверхъ того подвергнуться, можетъ быть, безславію и позорной смерти, то не достаточно одной врожденной храбрости. Человѣкъ, дорожащій честію, не иначе рѣшится на такой шагъ, какъ въ полномъ убѣжденіи, что прошедшая жизнь его и возложенныя на него обязанности требуютъ этой великой отъ него жертвы. Члены Общества, рѣшившіеся исполнить то, что почитали своимъ долгомъ, на что обрекли себя при вступленіи въ Общество, не убоялись позора.

Они не имѣли въ виду никакихъ для себя личныхъ выгодъ, не мыслили о богатствѣ, о почестяхъ, о власти; они все это предоставляли людямъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществу, но такимъ, которыхъ считали способнѣйшими по истинному достоинству или по мнѣнію (которымъ пользовались) привести въ исполненіе то, чего они всѣмъ сердцемъ и всею душою желали: поставить Россію въ такое положеніе, которое упрочило-бы благо государства и оградило его отъ переворотовъ, подобныхъ французской революціи и которые къ несчастію продолжаютъ еще угрожать ей въ будущности. Словомъ члены Тайнаго Общества Союза Благоденствія рѣшились принести въ жертву отечеству жизнь, честь, достояніе, всѣ преимущества, какими пользовались, все что имѣли — безъ всякаго возмездія.

Утромъ 14-го числа, когда всѣ полки выведены были для прочтенія новаго манифеста и принесенія новой присяги, солдаты почти всѣхъ полковъ изъявили недовѣрчивость, какъ то было предвидѣно не одними членами Общества, но и непосредственнымъ начальствомъ, которое стара-

лось узнать духъ солдатъ. Но они большею частию настаивали въ отрицательномъ упорствѣ; только московскіе, лейбъ-гренадеры и морской экипажъ послѣдовали за нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ. Предположеніе Общества не было выполнено, и вышедшіе полки прямо сошлись каждый самъ по себѣ передъ сенатомъ. Въ другихъ полкахъ не было офицеровъ, которые достаточно пользовались довѣренностію солдатъ, и люди хотя уперлись въ неповиновеніи требованіямъ военныхъ властей; но полки простояли смирно во фронтѣ и не пристали къ дѣйствовавшимъ, хотя послѣ и признавались, что очень желали присоединиться, и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ еслибъ возмутившіеся полки не были до ночи разсѣяны, то всѣ пѣхотные полки, исключая преображенскаго и семеновскаго, къ нимъ присоединились. Всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ нужно, чтобъ кто-нибудь далъ толчекъ и тѣмъ вывелъ изъ бездѣйствія.

Графъ Милорадовичъ хотѣлъ уговорить возмутившіеся войска покориться, но одинъ изъ членовъ Общества, изъ неслужащихъ (Каховскій), выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и ранилъ смертельно. Два митрополита присланы были увѣщевать войско, но ихъ просили удалиться.

Атаки конной гвардіи остались безуспѣшны; наконецъ нѣсколько выстрѣловъ картечью разсѣяли непокорныхъ. Артиллеристы не хотѣли палить и генераль Сухозанетъ*) самъ долженъ былъ приложить фипиль къ первому орудію. Разсѣянное войско разбрелось по дворамъ домовъ въ окружности сената, и утромъ 15-го все было-захвачено и препровождено въ петропавловскую крѣпость. Туда-же отправлены всѣ офицеры и другія лица, взятые на площади или послѣ арестованныя. Но прежде всѣ, кромѣ нижнихъ чиновъ, представляемы были во дворецъ, гдѣ Николай Павловичъ самъ ихъ допрашивалъ. Послѣдствія: содержаніе ихъ въ крѣпости, изслѣдованіе тайнаго комитета, верховный уголовный судъ, наряженный изъ трехъ высшихъ государственныхъ сословій: синода, совѣта и сената, къ которымъ были присоединены особыя еще лица, и который судилъ, не призывавъ предъ себя подсудимыхъ, и приговоръ произнесенный имъ, всѣмъ извѣстенъ. Сколько-же въ послѣдовавшей на него резолюціи царствующій императоръ послѣдовалъ собственному побужденію и сколько въ ономъ принадле-

---

*) Ошибка; то былъ офицеръ, названный въ Книгѣ Корфа. (Поправка сдѣланная въ текстѣ).

жить вліянію чуждому, остается и вѣроятно останется навсегда тайною. Извѣстно слѣдующее:

1. Императрица Марія Ѳеодоровна получила, какъ сама сказывала (между прочимъ Карамзиной, женѣ исторіографа) въ Москвѣ отъ Николая Павловича письмо, въ которомъ онъ ее успокоивалъ и обѣщалъ, что по приговору не будетъ пролито крови.

2. 9 Іюля вечеромъ поздно, наканунѣ объявленія осужденнымъ высочайше утвержденнаго приговора, Опочининъ былъ у императора въ Красномъ Селѣ, и онъ сказалъ ему, что въ своей конфирмаціи онъ удивитъ всѣхъ своимъ милосердіемъ.

3. Упрашивали, чтобъ смертный приговоръ утвержденъ былъ надъ 9-ю человѣками (9-ый былъ князь Оболенской, на котораго особенно злились), стоявшимъ въ головѣ списка осужденныхъ. Въ числѣ ихъ 6-мъ былъ Трубецкой, которому Николай Павловичъ, по сдѣланномъ 15-го Декабря у себя въ кабинетѣ допросѣ и предъ отправленіемъ въ крѣпость, подавъ четвертку листа бумаги, приказалъ написать къ женѣ, что онъ живъ и здоровъ *будетъ*; и когда Трубецкой ограничился одними словами живъ и здоровъ, то онъ повторилъ приказаніе написать *буду*.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ 1857 ГОДА.

4 Октября (въ Кіевѣ). Вечеромъ меня извѣстили, что князь Долгоруковъ просить меня завтра утромъ въ 9 часовъ къ себѣ, желая со мной познакомиться.

5 Октября. Нельзя уклониться отъ знакомства съ шефомъ жандармовъ. Я пришелъ ровно въ назначенный часъ, сказалъ находившемуся въ передней камеръ-лакею свое имя, и онъ тотчасъ повелъ меня въ гостинную, мимо стоявшихъ трехъ военныхъ штабъ-офицеровъ въ залѣ; пошелъ доложить въ слѣдующую комнату, въ которой былъ полусвѣтъ, и вышелъ, просилъ меня обождать. Слышно было, что въ сосѣдней комнатѣ разговариваютъ. Минуты чрезъ полторы вышелъ изъ нея жандармскій штабъ-офицеръ и за нимъ князь. Мы остались одни и сѣли. Онъ

сказалъ: “я просилъ васъ пожаловать ко мнѣ не по какому-либо дѣлу, а желая съ вами познакомиться”. Потомъ распросы о здоровьѣ, о вліяніи климата, о жизни здѣсь и въ Сибири, о мѣстѣ тамъ пребыванія и вообще о сибирскомъ краѣ. “Вы были хорошо знакомы съ братомъ моимъ Ильей — прекрасный былъ человѣкъ, умеръ рано; и брата моего старшаго знали, сестру мою графиню Б..., она умерла” и. т. д. Пришли сказать, что губернскіе предводители пріѣхали — “сейчасъ!” Еще послѣ нѣсколькихъ словъ онъ всталъ и говорить съ милой улыбкой: “И по обязанности моей я долженъ былъ познакомиться съ вами.” — Если вы говорите объ обязанностяхъ вашихъ, то дозвоьте мнѣ этимъ воспользоваться и объявить, что по манифесту я имѣю полную свободу, а здѣсь я нахожусь какъ-бы подъ надзоромъ: встрѣчаю препятствія къ выѣзду, въ полученіи подорожной... “Однако вамъ выдали.” — Да, но не сейчасъ, и я бы не сталъ говорить объ этомъ, еслибъ вы сами не упомянули объ обязанностяхъ вашихъ. Для меня оно вовсе ничего не значитъ, но есть другіе въ моемъ положеніи, которые живутъ въ маленькихъ городкахъ и могутъ оттого терпѣть притѣсненіе, на пр. Быстржицкой, который писалъ къ вашему сіятельству, прося о про-

долженіи пособія, (см. прилож., No. 4). “Я думаю, что онъ его получитъ; это увижу, когда буду на мѣстѣ. Вѣдь онъ его получалъ?” — Да, и имѣетъ въ немъ нужду; здѣсь не оказываютъ участія. Простите, что я васъ этимъ беспокоилъ. “Я справлюсь, и благодарю васъ.” — Манифестомъ мы освобождены отъ надзора. “Да, въ манифестѣ такъ!” — съ едва замѣтной улыбкой: “Всѣ подъ надзоромъ!” — Я не боюсь надзора, дѣйствія мои можетъ видѣть всякой, и пусть за мной надзираютъ, но не даютъ мнѣ этого чувствовать. “Я освѣдомлюсь.” — Вѣроятно, это вышло по ошибкѣ министра внутреннихъ дѣлъ; при объявленіи намъ о манифестѣ, онъ прибавилъ подъ надзоромъ. Еще разъ прошу васъ извинить меня. “Напротивъ, я вамъ очень благодаренъ.” За тѣмъ мы распрощались... Я вышелъ и, проходя залъ, гдѣ уже довольно собралось, ни на кого не смотрѣлъ, пожалуй, подумали, что бывъ принять на единѣ шефомъ жандармовъ, имѣлъ къ нему какой-нибудь доносъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

Письмо къ г. Руперту.

16го числа сего мѣсяца ваше превосходительство объявили намъ, что государь императоръ, по случаю торжествованія въ прошедшемъ году бракосочетанія его императорскаго высочества государя цесаревича наследника, соизволилъ обратитъ высочайшее вниманіе на поступки женъ нашихъ, послѣдовавшихъ за нами въ заточеніе, и принять всемилостивѣйшее намѣреніе, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе на дѣтяхъ ихъ, родившихся въ Сибири. Что комитетъ, которому повелѣно было изыскать средства привести въ исполненіе благодѣтельную волю государя императора, собравъ подробныя свѣденія, положилъ:

по достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста принять ихъ для воспитанія въ одно изъ казенныхъ заведеній, для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать по отчеству. До глубины души исполненный чувствомъ живѣйшей признательности къ вниманію всемилостивѣйше обращенному на женъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что государь императоръ по милосердію своему не допуститъ наложить на чела матерей незаслуженное ими пятно и лишеніемъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ причислить ихъ къ незаконнорожденнымъ. Касательно-же согласія моего на помѣщеніе дѣтей моихъ въ казенное заведеніе, я въ положеніи моемъ не дерзаю взять на себя рѣшеніе судьбы ихъ; но не долженъ скрыть, что разлука на вѣкъ дочерей съ ихъ матерью будетъ для нея смертельнымъ ударомъ.

19 Апрѣля 1842 г., село Оёкъ.

2.

Въ началѣ 1845 года высочайше разрѣшено было женѣ государственнаго преступника Трубецкаго проживать съ дѣтьми въ Иркутскѣ, до излѣченія ея отъ болѣзни; мужу-же по временамъ прїѣзжать къ ней на свиданіе, съ дозволенія генералъ-губернатора Восточной Сибири, каковое дозволеніе давать ему "съ должною осмотрительностію."

3.

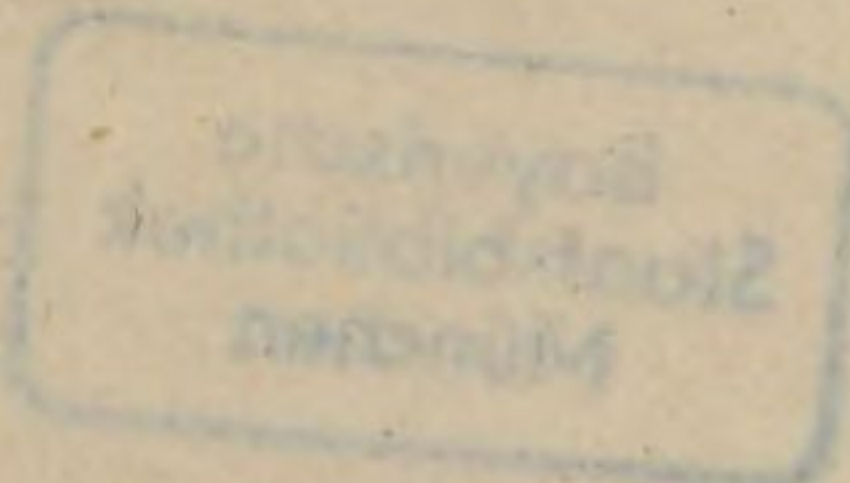
Отъ 19 Іюня 1845 года, No. 752, графъ Орловъ увѣдомлялъ Вильгельма Яковлевича Руперта, что государь, по просьбѣ дѣйствительной тайной совѣтницы грагини Лаваль, разрѣшилъ помѣстить въ учрежденный въ г. Иркутскѣ дѣвичій институтъ двухъ внучекъ ея, рожденныхъ въ Сибири отъ дочери ея, состоящей въ замужествѣ за находящимся на поселеніи иркутской губерніи въ с. Оёкъ государственнымъ преступникомъ Трубецкимъ.

4.

Бывшему подпоручику Андрею Быстржицкому, судимому по прикосновенности къ политическимъ

дѣламъ 1825 года 14 Декабря, на основаніи высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 26 день Августа 1856 года, даровано право потомственного дворянства съ возвращеніемъ изъ Сибири на жительство въ предѣлахъ Россійской имперіи (исключая С.-Петербурга и Москвы). Быстржицкой возвратясь на родину въ кіевскую губернію, не нашелъ въ живыхъ ни одного изъ родственниковъ и не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію, обратился къ г. шефу жандармовъ съ просьбою объ исходатайствованіи ему продолженія того пособія, которымъ онъ пользовался въ Сибири, и состоявшаго изъ 15 десятинъ пахатной и луговой земли, 114 рублей деньгами и сверхъ того на одежду и паекъ отъ 18 до 30 рублей, сообразно существовавшему на хлѣбъ цѣнамъ, т. е. всего деньгами отъ 132 до 142 р. с.

дѣланы 1825 года 14 декабря, на основаніи выско-
неченнаго указу, дѣланы въ правительствѣ
нату въ 28 день Августа 1826 года, даровано
право потомственному дворянству съ возвращеніемъ
изъ Олонецъ на жительство въ предѣлахъ Россіи
ею имперіи (исключая С. Петербурга и Москвы).
Возвращеніемъ въ родную въ киевскую
губернію, не имѣя въ живыхъ ни одного изъ
родственниковъ.

Записки Князя Трубецкаго
сохранились въ черновомъ спискѣ, не получив-
шемъ окончательной отдѣлки; этимъ объясня-
ются многія въ нихъ повторенія и отрывочность
тѣхъ разсказовъ, которые присоединены нами
въ концѣ. Эти послѣдніе составляютъ отчасти
родъ замѣтокъ на записки Штейнгеля.

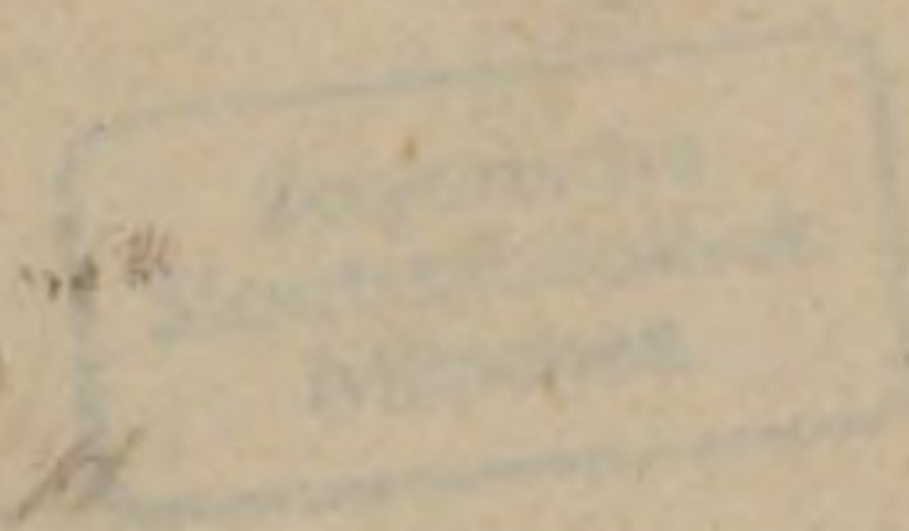

STANDARD OF EXCELLENCE

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1215 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637
TEL. 733-4331

Trubeckoj, Sergej P.,

Zapiski knjazja Trubeckago <S pril.> <Denkwürdigkeiten d. Fürsten
Trubetzkoi.> [Sergej Petrovič Trubeckoj]

Leipzig 1875

Biogr. 3288 k

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11313914-8